ТРУДЪ И КАПИТАЛЪ

(Первоначальныя свѣдѣнія по политической экономіи)

Переводъ съ польскаго

В. СВИДЕРСКАГО

Изданіе Ф. Павленкова.

ЦѢНА **20** КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12
1893

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Сентября 1892 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О трудѣ.

I. Исторія труда и способы производства. 5
II. Раздѣленіе труда. 16
III. Роскошь. 19
IV. Стоимость товаровъ. 24
V. Деньги и цѣна. 41

О капиталѣ.

I. Капиталъ. 47
II. Рабочая сила, какъ товаръ. 52
III. О добавочной стоимости. 61
IV. Возрастаніе капитала. 70

I.

О ТРУДѢ.

I.

Исторія труда и способы производства.

Всякому извѣстно, что люди не всегда такъ жили, какъ живутъ они теперь.

Было время, когда они не имѣли никакого другого оружія кромѣ лука, палки и ножа, сдѣланнаго изъ простаго камня.

Понятно, что люди въ то время не могли еще обрабатывать земли и вести осѣдлой жизни: они безпрестанно переходили съ мѣста на мѣсто, отыскивая себѣ пищу. Такъ какъ оружіемъ у нихъ служилъ только простой лукъ да палка, то они не могли успѣшно бороться съ окружавшими ихъ дикими звѣрями, а тѣмъ болѣе защищаться отъ ихъ нападеній; для этого люди должны были соединяться вмѣстѣ и жить цѣлыми обществами, вмѣстѣ трудиться, вмѣстѣ добывать себѣ средства къ жизни и затѣмъ дѣлить общую добычу между собой.

Съ теченіемъ времени человѣкъ все болѣе и болѣе развивалъ свой умъ, улучшалъ свои орудія, научился напримѣръ извлекать пользу изъ самой земли, обрабатывать ее и чрезъ то сдѣлался уже

могущественнѣе; онъ началъ пахать землю и засѣвать ее сѣменами полезныхъ для своего потребленія растеній. Тогда онъ самъ могъ уже удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ и не нуждался въ помощи другаго для добыванія себѣ средствъ. Правда, и тогда нужно было жить въ обществѣ, чтобы оборониться отъ нападенія болѣе сильныхъ непріятелей, внутри же своего общества каждый трудился только на себя и самъ себѣ приготовлялъ все, въ чемъ имѣлъ нужду. На все, добытое своимъ трудомъ и стараніемъ, онъ имѣлъ полное право распоряженія и пользованія. Но человѣкъ былъ еще въ то время мало свѣдущъ, не умѣлъ еще извлекать изъ даровъ природы надлежащей пользы, не располагалъ еще достаточно хорошими орудіями труда и жилъ такимъ образомъ очень бѣдно.

Прошло нѣсколько вѣковъ, а можетъ быть и тысячелѣтій... Человѣкъ лучше узналъ окружающую его природу, мало-помалу пріобрѣлъ много новыхъ свѣдѣній, улучшилъ свои прежнія орудія производства и изобрѣлъ много новыхъ, научился пользоваться напримѣръ силой вѣтра и воды, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились и средства его къ жизни. Но въ то же время, вмѣстѣ съ постепеннымъ пріобрѣтеніемъ знаній и опытности, въ орудіяхъ и занятіяхъ человѣка, прежде однообразныхъ, начало происходить раздѣленіе труда и занятій,—стало уже невозможнымъ, чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ одинаково хорошо владѣлъ всѣми орудіями и занимался всѣми работами, чтобы напримѣръ онъ могъ шить хорошіе сапоги, строить домъ и въ тоже время работать въ полѣ. Сама жизнь показала, что если кто

ограничивался одной только извѣстной работой, то исполнялъ ее и скорѣе и лучше, чѣмъ если бы этотъ человѣкъ занимался разными работами. Вслѣдствіе этого и произошло раздѣленіе труда между людьми: одни начали заниматься земледѣліемъ, не занимаясь больше уже ничѣмъ другимъ; другіе занялись напримѣръ гончарнымъ ремесломъ, третьи малярнымъ и т. д.

Понятное дѣло, что земледѣльцы начали успѣшнѣе обрабатывать земли и получать больше хлѣба съ своихъ полей, чѣмъ нужно было для ихъ собственныхъ потребностей. Излишекъ, который у нихъ оставался, они могли свободно отдать напримѣръ сапожнику взамѣнъ за сшитые имъ сапоги, или же портному за платье, плотнику за постройку дома и т. д. Сапожникъ, портной или плотникъ не имѣли уже послѣ этого необходимости сами заниматься въ полѣ обработкой земли, такъ какъ свободно доставали нужный имъ хлѣбъ у тѣхъ же земледѣльцевъ за свою работу. Отъ этого получалась громадная польза для всѣхъ: земледѣлецъ, привыкшій уже владѣть плугомъ, истратилъ бы пожалуй двѣ недѣли, а можетъ быть и больше, на шитье нужной ему одной пары сапогъ, между тѣмъ какъ сапожникъ туже самую пару сдѣлаетъ въ одинъ день. Земледѣлецъ же взамѣнъ нужныхъ ему сапоговъ дастъ ему столько хлѣба, сколько успѣлъ добыть впродолженіи того времени, которое сапожникъ затратилъ на шитье для него сапогъ. Такимъ образомъ онъ сберегъ себѣ много времени, цѣлыхъ 13 дней. Но и въ то время люди большую часть своихъ продуктовъ употребляли на удовлетвореніе только личныхъ своихъ нуждъ и только самая

незначительная часть обмѣнивалась на другіе предметы. Извѣстно, что ручной работой не особенно много можно выработать разныхъ вещей и, если бы не явилось другихъ способовъ производства, человѣкъ былъ бы осужденъ на большую бѣдность.

Къ счастію, человѣкъ изобрѣлъ машину. Она дала ему возможность въ непродолжительное время и при маломъ съ его стороны усиліи изготовлять въ лучшемъ видѣ тѣ предметы, которые требовали прежде, при ручной работѣ, много тяжелаго и непріятнаго труда, которые даже и по прочности и по красотѣ значительно уступали обыкновеннымъ фабричнымъ товарамъ; деревенскій кузнецъ, чтобы сдѣлать хорошую подкову, тратитъ нѣсколько часовъ тяжелаго физическаго труда въ жарѣ, въ то время какъ фабричный рабочій, при помощи машины, вырабатываетъ, напримѣръ, въ Америкѣ впродолженіи одной минуты нѣсколько прочныхъ и красивыхъ подковъ. Ткачъ на ручномъ станкѣ не мало долженъ помучиться за работой, чтобы выткать нѣсколько аршинъ полотна, въ то время какъ машина вырабатываетъ тысячи аршинъ въ часъ.

Точно такъ же и во всемъ другомъ машина облегчаетъ трудъ человѣку и когда нибудь въ дальнѣйшемъ будущемъ дастъ ему возможность при ничтожномъ съ его стороны трудѣ имѣть несравненно большее количество предметовъ, необходимыхъ ему для жизни, нежели теперь. Поэтому-то нечего удивляться, что за сто еще лѣтъ назадъ хорошая одежда, здоровая квартира и вообще извѣстныя удобства въ жизни составляли роскошь, доступную только небольшой горсти богачей, такъ какъ рабочіе, при ручномъ трудѣ могли выработать това-

ровъ очень мало; въ наше же время всякая машина можетъ выработать такое количество товаровъ, что ихъ совершенно достаточно было бы на удовлетвореніе потребностей нѣсколькихъ человѣкъ.

Ученые доказали, что если бы даже люди работали 5 часовъ въ сутки, то и при употребленіи теперешнихъ орудій производства (при существованіи новѣйшихъ машинъ и большихъ фабрикъ) и по устраненіи нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ условій, они могли-бы вполнѣ удовлетворить всѣмъ своимъ нуждамъ. Если бы къ тому же было сдѣлано еще больше усовершенствованій въ машинахъ и ручной трудъ былъ замѣненъ машинами, тогда достаточно было-бы труда 3 часовъ въ сутки. Сколько-бы тогда осталось человѣку свободнаго времени для образованія, для развлеченія и для отдыха!...

Изъ сказаннаго нами видно, какое огромное значеніе имѣетъ машина въ улучшеніи быта человѣка, доставляя ему удобства жизни; на сколько она уменьшаетъ и облегчаетъ его трудъ и насколько, значитъ, въ будущемъ можетъ улучшиться и сдѣлаться пріятнѣе самая жизнь человѣка. Но появленіе машины отразилось не только на производствѣ, вліяніе ея сказалось и на отношеніяхъ людей между собою. Прежде, до появленія машины, каждая отдѣльная мѣстность, каждое мѣстечко, каждая пожалуй деревня, даже крестьянская семья, сама вырабатывала себѣ все, что было ей нужно; каждый земледѣлецъ изъ собственнаго жита мололъ самъ себѣ муку на жерновахъ и пекъ себѣ хлѣбъ; изъ собственнаго льна самъ себѣ приготовлялъ холстъ для бѣлья, который его же жена ему и шила собственными руками; наконецъ самъ же онъ рубилъ

и возилъ изъ лѣсу деревья, изъ которыхъ потомъ самъ себѣ строилъ хижину. Оттого каждая такая мѣстность была совершенно отдѣлена отъ остальнаго міра. Если бы вдругъ весь свѣтъ кругомъ погибъ, она, предоставленная самой себѣ, и не узнала бы объ этомъ несчастіи, продолжая жить также спокойно, какъ жила и раньше.

Перенесемся теперь на какую нибудь большую фабрику. Здѣсь всѣ рабочіе настолько взаимно зависятъ другъ отъ друга, что еслибы напримѣръ одинъ изъ нихъ, хотя бы смазчикъ машинъ, вдругъ заболѣлъ и на его мѣсто никого не нашлось, работа должна была бы прекратиться въ цѣлой фабрикѣ и всѣ рабочіе, по болѣзни одного только человѣка, должны бы были прекратить на время всѣ свои работы. Можно ли теперь сравнивать ремесло съ фабричнымъ производствомъ?

Каждый ремесленникъ, который самъ сдѣлалъ какую-нибудь работу, конечно знаетъ, что сдѣланный имъ товаръ принадлежитъ всецѣло ему, между тѣмъ какъ обыкновенный фабричный рабочій принимаетъ въ выработкѣ того или другаго товара какую-то самую незначительную долю участія. Возьмемъ для примѣра производство булавокъ, описанное еще сто лѣтъ тому назадъ однимъ ученымъ (Адамомъ Смитомъ). Работа при изготовленіи булавокъ—говоритъ онъ—дѣлится на 18 отдѣльныхъ видовъ труда: одинъ рабочій тянетъ мѣдную проволоку, другой ее ровняетъ, третій полируетъ, четвертый разрѣзываетъ на части, пятый приготовляетъ конецъ, на которомъ должна быть насажена головка, седьмой и восьмой работаютъ надъ самой головкой, девятый насаживаетъ головку на булавку и отбѣливаетъ ее, наконецъ

отдѣльный рабочій занимается всаживаніемъ ихъ въ бумагу. Мы осматривали небольшую фабрику, на которой при 10 только рабочихъ, со всѣми нужными приспособленіями, вырабатывалось до 50,000 булавокъ; значитъ на каждаго рабочаго приходится по 5,000 штукъ. Еслибы каждый изъ нихъ работалъ отдѣльно, безъ помощи другихъ, и если бы не приспособился прежде къ этой работѣ, то навѣрное можно сказать, что онъ не сдѣлалъ бы за это время и 20 булавокъ.

Французскій ученый Сей представляетъ другой болѣе разительный примѣръ успѣшности труда, при его раздѣленіи, взятый имъ изъ фабрики, выдѣлывающей обыкновенныя игральныя карты. Онъ говоритъ, что «каждая карта должна пройти чрезъ 10 отдѣльныхъ рукъ: одни рабочіе приготовляютъ для картъ бумагу, другіе краску для нихъ, третьи занимаются склеиваніемъ трехъ листиковъ бумаги, изъ которыхъ изготовляется карта, и кладутъ ихъ подъ прессъ; одни размалевываютъ обратную сторону карты, другіе начерно рисуютъ фигуры, третьи ихъ раскрашиваютъ; четвертые высушиваютъ отпечатанныя уже карты и т. д. Разрѣзываніе цѣлыхъ листовъ на карты служитъ занятіемъ особыхъ рабочихъ, складываніемъ ихъ въ отдѣльныя колоды занимаются опять другіе, и т. д. Значеніе такого широкаго раздѣленія труда трудно даже опредѣлить: мы видѣли фабрику, приготовлявшую карты, гдѣ работало 30 отдѣльныхъ работниковъ, которые всѣ вмѣстѣ вырабатывали по 15,500 картъ ежедневно или по 500 съ лишнимъ картъ каждый».

Если-бы каждый рабочій началъ продѣлывать всѣ

эти 70 операцій самъ отдѣльно, то долженъ бы былъ учиться этимъ работамъ нѣсколько лѣтъ и все-таки не съумѣлъ бы сдѣлать и двухъ подобныхъ картъ за день.

Немало прошло уже лѣтъ, когда жили оба эти ученые, Смитъ и Сей. Слѣдовательно, если и въ ихъ уже время рабочій исполнялъ столько разныхъ мелкихъ частичекъ труда, нужныхъ для приготовленія булавокъ или картъ, то въ настоящее время трудъ рабочаго получилъ еще больше дѣленія и сдѣлался еще проще. Одна машина теперь вытягиваетъ проволоку, другая разрѣзываетъ ее на части, третья заостриваетъ концы и т. д., человѣкъ-же только и знаетъ, что подсовываетъ проволоку и складываетъ отдѣльно вытянутыя или разрѣзанныя части ея. Такимъ образомъ одна машина здѣсь помогаетъ другой, причемъ человѣкъ постоянно исполняетъ одну и туже однообразную работу, поэтому рабочій теперь еще болѣе зависитъ отъ машины, такъ какъ долженъ приноравливаться къ каждому ея движенію, поднимать или опускать свои руки, подходить или отдаляться въ зависимости отъ оборотовъ ея колесъ. Въ большой фабрикѣ всѣ рабочіе служатъ какъ бы придатками той же машины и всѣ одинаково необходимы.

Но рабочій фабрики булавокъ, какъ современной Смиту, такъ и теперешней, снабженной также машинами, посмотрѣвши на изготовленныя имъ булавки или карты, затруднится сказать, сколько именно употребилъ онъ труда при изготовленіи ихъ и сколько трудились его товарищи; тѣмъ болѣе трудно ему указать это для какой нибудь гигантской машины, въ изготовленіи которой онъ принималъ

участіе вмѣстѣ съ сотнями другихъ рабочихъ, его товарищей, и при помощи еще другихъ машинъ. Но обыкновенный фабричный способъ производства поддерживается и находится въ тѣсной взаимной зависимости не отъ рабочихъ только одной фабрики; каждая фабрика, въ свою очередь, зависитъ отъ другихъ фабрикъ, отъ которыхъ она или получаетъ сырой матеріалъ и машины, или же сама имъ уступаетъ изготовленные у себя матеріалы; даже болѣе того, каждый народъ, каждая страна зависитъ другъ отъ друга,—одна отдаетъ свои продукты другой и взамѣнъ получаетъ оттуда другіе. Вся цивилизація людей представляетъ изъ себя какъ бы одну громадную кладовую товаровъ, отдѣленія которой (отдѣльныя народности) крѣпко связаны между собою и находятся въ тѣсной между собой зависимости.

Такая близкая взаимная связь народовъ между собой увеличивается все болѣе и болѣе, съ каждымъ днемъ: прежде, когда сношенія между отдѣльными государствами были еще очень затруднительны, вслѣдствіе отсутствія хорошихъ путей сообщенія и безопасности, доходило до того, что каждая мѣстность, каждая страна вырабатывала у себя все, что нужно было ея жителямъ, и обыкновенно въ каждой странѣ занимались тѣмъ, чему благопріятствовали мѣстныя условія, недостатокъ же другихъ продуктовъ пополнялся изъ другихъ сосѣднихъ мѣстностей.

Изъ этого бѣглаго очерка мы видимъ, какъ жизнь людей все болѣе и болѣе измѣнялась въ зависимости отъ способовъ производства. До тѣхъ поръ, пока въ извѣстномъ государствѣ живутъ зем-

ледѣльцы, желѣзныхъ дорогъ почти не встрѣчается, образованіе также мало развито, каждый околодокъ совершенно отдѣленъ отъ остальнаго свѣта, имѣетъ свои особенные обычаи, свой особый строй; производствомъ обыкновенно занимается каждый отдѣльный работникъ. Но какъ только появляются большія фабрики, тотчасъ же проводятся желѣзныя дороги для провоза товаровъ, люди начинаютъ часто переѣзжать изъ одного мѣста въ другое и производство продуктовъ не можетъ уже тогда принадлежать одному рабочему, цѣлый міръ какъ-бы связывается въ одно цѣлое.

Ученые говорятъ и доказываютъ, что даже форма семьи, собственности и правленія измѣняется въ зависимости отъ орудій труда и способовъ производства. Ранѣе мы уже видѣли, что у того народа, который продолжаетъ работать на ручныхъ станкахъ, будутъ и другіе порядки, чѣмъ у людей, работающихъ на большихъ фабрикахъ и при громадныхъ машинахъ.

Изъ труда человѣка всегда получается какой нибудь продуктъ, напримѣръ сталь, сукно и т. д. Эти предметы обыкновенно продаются и покупаются. Является теперь вопросъ, почему напримѣръ такой то предметъ продается по такой, а не по другой цѣнѣ? Далѣе, какъ уже намъ извѣстно изъ предыдущаго, только нѣкоторые занимаются земледѣліемъ, а потому опять является вопросъ, какимъ же образомъ тѣ люди, которые не занимаются земледѣліемъ и производствомъ хлѣба, могутъ пользоваться имъ? Опять, для того чтобы сдѣлать напр. столъ, нужно достать дерева и инструменты для обработки его. Какимъ же образомъ деньги,

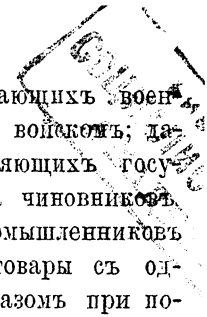
уплаченныя за дерево и инструменты, оборачиваются, переходятъ отъ одного лица къ другому? Почему каждый принимаетъ ихъ и каждый старается ихъ добыть? Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующихъ главахъ. На всѣ эти вопросы отвѣчаетъ наука, называемая *политической экономіей*, она разъясняетъ намъ законы производства товаровъ и ихъ обмѣна, и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, какъ эти законы съ теченіемъ времени измѣняются въ зависимости отъ орудій труда и способовъ производства.

II.

Раздѣленіе труда.

Въ нѣкоторыхъ только странахъ земнаго шара какъ напримѣръ, въ счастливыхъ долинахъ Индіи природа даетъ человѣку почти даромъ все, необходимое для его незатѣйливой жизни: бананы, хлѣбное дерево и финиковыя пальмы растутъ тамъ въ изобиліи и приносятъ обильный урожай ежегодно, безъ всякихъ почти усилій со стороны человѣка; къ тому же и теплый климатъ даетъ возможность тамошнимъ жителямъ обходиться безъ одежды, густыя же и широкія листья деревьевъ могутъ быть прекраснымъ убѣжищемъ отъ дождя и ненастья. Въ другихъ странахъ свѣта человѣкъ большею частью долженъ употреблять не мало труда и усилій, чтобы удовлетворить своимъ нуждамъ здѣсь бытъ людей зависитъ всецѣло отъ собственныхъ его усилій. Присмотримся ближе къ жизни людей въ обществѣ. Хотя въ немъ все собственно добывается трудомъ, тѣмъ не менѣе однако существуетъ громадная разница въ разныхъ родахъ труда, выполняемаго людьми разныхъ занятій.

Возьмемъ, напримѣръ, какого нибудь князя, трудъ котораго заключается въ управленіи, въ изданіи законовъ, въ предводительствѣ на войнѣ и т. д., или же



генераловъ, всю свою жизнь посвящающихъ военнымъ упражненіямъ и командованію войсками; далѣе возьмемъ министровъ, управляющихъ государствомъ при помощи цѣлаго штата чиновниковъ, обратимъ также вниманіе на промышленниковъ или купцовъ, которые перевозятъ товары съ одного мѣста въ другое и такимъ образомъ при помощи торговли обмѣниваютъ одни товары на другіе. Много людей также занимается такими работами, какъ напр. проведеніе каналовъ, шоссе и желѣзныхъ дорогъ; собственно они только смотрятъ за работами, берутъ подряды, самыя же работы, очень выгодныя для нихъ, требуютъ не мало труда, и труда тяжелаго, со стороны тѣхъ, которые ее выполняютъ. Однако всѣми означенными работами занимается сравнительно незначительное меньшинство отдѣльныхъ личностей. Громадное же большинство занято добываніемъ сыраго матеріала изъ земли или его переработкою.

Рудокопы, земледѣльцы, рыбаки, охотники и т. п. добываютъ сырой матеріалъ, другіе же на фабрикахъ или ручныхъ станкахъ, на мельницахъ и въ пекарняхъ занимаются переработкой этихъ сырыхъ продуктовъ и доставляютъ обществу предметы уже въ готовомъ видѣ. Эти предметы, если они употребляются для продажи, называются *товарами*. Такимъ образомъ товаръ служитъ для удовлетворенія нуждъ не только тѣхъ людей, которые занимаются сами непосредственно ихъ добываніемъ и приготовленіемъ, но предназначаются для цѣлаго общества.

Сдѣланныя нами замѣчанія даютъ возможность раздѣлить всѣхъ занимающихся трудомъ на два

класса, по характеру ихъ занятій. Людей, занимающихся добываніемъ или переработкой сырыхъ матеріаловъ, мы назовемъ *рабочими — производителями товаровъ*. Къ нимъ относятся: земледѣльцы, рудокопы, рыбаки, охотники, ремесленники и фабричные рабочіе. Всѣхъ же остальныхъ, занимающихся какимъ нибудь другимъ полезнымъ трудомъ, будемъ называть *работниками, предлагающими* свои личныя *услуги* или надсматривающими надъ выполненіемъ работъ. Къ числу этихъ послѣднихъ мы относимъ занимающихся торговлею купцовъ, врачей, техниковъ, учителей, ученыхъ и т. д. Такъ какъ эти послѣдніе непосредственно не производятъ товаровъ, то на удовлетвореніе своихъ жизненныхъ нуждъ они должны брать часть продуктовъ отъ производителей ихъ взамѣнъ своихъ услугъ. Естественно, что это возможно только тогда, когда трудъ рабочихъ, производящихъ товары, настолько великъ, т. е. они столько успѣваютъ выработать разныхъ необходимыхъ предметовъ, что производятъ болѣе, нежели нужно имъ самимъ на удовлетвореніе своихъ собственныхъ нуждъ. При такомъ только условіи и могутъ они отдавать добровольно или же по необходимости часть производимыхъ ими продуктовъ совершенно другому классу людей, которые, вмѣсто товаровъ, предлагаютъ обществу свои личныя услуги.

III.

Роскошь.

Установилось общее мнѣніе, что большая роскошь богачей служитъ источникомъ заработка и благодѣянія для рабочаго класса. Говорятъ далѣе, что если бы богатые люди перестали наряжать своихъ дочерей и женъ въ бархатъ и шелкъ, если бы ихъ жилища не были украшены великолѣпными диванами, дорогими обоями, рѣзной мебелью и тысячью другихъ роскошныхъ предметовъ, то множество рабочихъ, занятыхъ теперь приготовленіемъ этихъ предметовъ, не имѣло бы работы, а тѣмъ болѣе заработковъ и средствъ для жизни.

Многіе также полагаютъ и даже убѣждены въ томъ, что, благодаря только роскоши богатыхъ, поддерживается жизнь бѣдняковъ. При теперешнихъ условіяхъ многое въ этомъ отношеніи не оправдывается на практикѣ. Разсмотримъ дѣло подробнѣе.

Чтобы жить, люди должны добывать себѣ продукты, почему и рабочій, занимающійся ихъ производствомъ, называется рабочимъ — *производителемъ*, т. е. производящимъ товары. Рабочіе должны выработать ихъ столько, чтобъ изъ этого количества продуктовъ всѣ могли удовлетворить свои нужды. При нынѣшнихъ экономическихъ условіяхъ, каждый изъ

нихъ получаетъ вознагражденіе за свой трудъ деньгами, на которые онъ потомъ покупаетъ въ лавкахъ и магазинахъ разные необходимые для себя и своей семьи вещи и такимъ образомъ полученныя имъ деньги передаетъ въ другія руки.

Всѣ товары, сложенные на базарѣ, въ складахъ, магазинахъ, лавкахъ и предназначенные для продажи, произведены руками тѣхъ же рабочихъ. Собраніе всѣхъ товаровъ становится общимъ достояніемъ всѣхъ членовъ общества. Представимъ себѣ, что каждый отдаетъ въ эти склады продуктъ своего труда и взамѣнъ получаетъ какую нибудь часть изъ общаго склада, — часть, соотвѣтствующую напримѣръ получаемой имъ въ день платѣ за трудъ деньгами.

Тогда оказалось бы, что работники, занимающіеся изготовленіемъ предметовъ роскоши, не получатъ въ сущности ничего изъ *собственнаго* производства, употребляя для себя только продукты, называемые предметами общей потребности.

Всѣ обыкновенные продукты, безъ которыхъ люди не могутъ обойтись, напр. пища, одежда, жилище, мебель и посуда, можно было бы производить въ одномъ отдѣлѣ подобныхъ магазиновъ.

Изъ этого отдѣла получали бы средства къ жизни одинаково какъ тѣ, которые занимаются производствомъ этихъ товаровъ, такъ и тѣ, которые смотрѣли бы за работами, провѣряли ихъ. Такое отдѣленіе всегда бы пополнялось продуктами труда работниковъ, занятыхъ производствомъ предметовъ, необходимыхъ для всѣхъ вообще. Производительность ихъ труда и теперь настолько велика, что вырабатываемыхъ ими необходимыхъ про-

дуктовъ хватаетъ нетолько на удовлетвореніе ихъ собственныхъ потребностей, но также и рабочихъ, занятыхъ производствомъ дорогихъ предметовъ роскоши и присматривающихъ за ихъ работами.

Предметы роскоши производили бы отдѣльно, въ другомъ отдѣлѣ тѣхъ же магазиновъ. И хотя бы этотъ отдѣлъ наполнился товарами роскоши, произведенными трудомъ рабочихъ, занятыхъ ихъ производствомъ, но брали бы изъ него только люди богатые, которымъ также понадобились бы и предметы общей необходимости изъ перваго отдѣла магазиновъ, напр., хлѣбъ, мясо и т. п.

Допустимъ, что спросъ на эти предметы роскоши вдругъ прекратился; тогда всѣ рабочіе, занятые до тѣхъ поръ производствомъ предметовъ роскоши, чтобы только просуществовать, должны были-бы заняться производствомъ обыкновенныхъ продуктовъ. Предметы своего производства они сдавали бы въ первый отдѣлъ магазиновъ и такимъ образомъ еще болѣе увеличили бы количество необходимыхъ всѣмъ продуктовъ; тогда каждый могъ бы получать еще больше необходимыхъ предметовъ, нежели прежде.

Постараемся это уяснить нѣсколькими примѣрами. Туалеты дамъ, украшенія залы, всевозможныя напитки и явства, истребляемыя впродолженіи одного какого нибудь вечерняго пиршества, стоятъ, положимъ, не менѣе тридцати тысячъ рублей. Все это равняется заработку почти 30,000 обыкновенныхъ рабочихъ дней! Почти 100 человѣкъ должно было бы работать безъ малаго годъ (300 дней), чтобы приготовить тѣ предметы, которые были уничтожены впродолженіи одного вечера.

Въ то же время, если бы эти 100 человѣкъ занимались впродолженіи года выработкой обыкновеннаго ситца, сукна и другихъ предметовъ, нужныхъ для всѣхъ и каждаго, то они удовлетворили-бы не только самихъ себя болѣе удобной и порядочной одеждой, но успѣли бы выработать еще такое количество этихъ предметовъ, что вдвое большее число людей могли бы имѣть у себя хорошее платье.

Возьмемъ другой примѣръ.

Богатый человѣкъ строитъ себѣ великолѣпный домъ, который вмѣстѣ съ украшеніемъ внутри его будетъ стоить, допустимъ, 300,000 рублей. Это въ свою очередь равняется работѣ 1000 человѣкъ впродолженіи года, употребленной ими теперь на устройство дома и его украшеній для одной только семьи. Сколько здоровыхъ и довольно обширныхъ обыкновенныхъ домиковъ могли бы построить эти 1000 человѣкъ впродолженіи года?

Мы должны признаться, что понятіе о роскоши не поддается точному опредѣленію. То, что прежде, 50 лѣтъ назадъ, считалось роскошью, теперь, благодаря улучшенію и удешевленію въ производствѣ, служитъ уже для общаго употребленія. Можно даже утверждать, что при общественномъ производствѣ предметы роскоши все болѣе и болѣе становились бы предметомъ ежедневнаго употребленія. Это мы можемъ видѣть изъ жизни дикарей; у нихъ даже употребленіе мыла считается уже роскошью. Большая часть работниковъ считаетъ еще и теперь чтеніе газетъ и книгъ роскошью для себя, а простые ремесленники точно такъ же смотрятъ на образованіе, какъ на дѣло, доступное только для людей богатыхъ.

Теперь понятно, что, если бы большинство рабочихъ не было занято производствомъ предметовъ роскоши, они могли бы заняться производствомъ продуктовъ, необходимыхъ для всѣхъ людей, а такъ какъ, благодаря существованію машинъ, трудъ человѣка сдѣлался очень *продуктивнымъ*, т. е. въ непродолжительное время производитъ много предметовъ необходимыхъ для жизни, то и производство этихъ продуктовъ вполнѣ достаточно было бы для удовлетворенія потребностей всего общества. Вслѣдствіе этого жизнь для всѣхъ стала бы и удобнѣе и пріятнѣе, каждый имѣлъ-бы тогда возможность получить образованіе и пріобрѣсти умственное и нравственное развитіе.

IV.

Стоимость товаровъ.

Въ настоящее время, когда каждый продаетъ свой трудъ (или же, если онъ работаетъ на свои собственныя средства, то сдѣланную имъ вещь) и за вырученныя деньги покупаетъ все ему необходимое, чуть ли не каждую минуту предлагается вопросъ, сколько стоитъ тотъ или другой товаръ? Мы говоримъ также, насколько цѣнно то или другое изобрѣтеніе, говоримъ, насколько драгоцѣнно наше здоровье, дружба, пріобрѣтаемыя нами знанія, оказанныя нами услуги, наконецъ самая наша жизнь. Мы постоянно употребляемъ слово «цѣнность», чуть ли не каждую минуту и оттого часто не можемъ дать себѣ яснаго отчета относительно заключающагося въ этомъ словѣ смысла.

«Нужно быть философомъ, чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что́ повторяется на нашихъ глазахъ каждый день», сказалъ когда то Руссо, великій французскій философъ.

Въ самомъ дѣлѣ, труднѣе всего вполнѣ точно передать то, что мы видимъ каждый день, такъ какъ человѣкъ къ этимъ явленіямъ уже присмотрѣлся и не старается ихъ изслѣдовать точнѣе. Богатство общества обыкновенно заключается въ

огромномъ количествѣ товаровъ. Займемся прежде всего вопросомъ, отчего зависитъ стоимость товаровъ.

Владѣя какими нибудь предметами, мы можемъ употребить ихъ различнымъ образомъ. Первое употребленіе, соотвѣтствующее назначенію предмета, имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда извѣстный предметъ идетъ на удовлетвореніе какой нибудь нашей потребности; другое же, не соотвѣтствующее природѣ предмета, имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда мы употребляемъ предметъ, какъ средство для обмѣна, т. е. когда обмѣниваемъ его на другой. Напримѣръ, сапогъ можетъ имѣть двоякое назначеніе: и какъ обувь, и какъ средство для обмѣна на другой предметъ. Первое его употребленіе самое естественное; при другомъ же случаѣ, хотя мы и дѣлаемъ изъ него употребленіе, но оно не соотвѣтствуетъ собственному его назначенію; вѣдь сапогъ былъ сдѣланъ для того, чтобы его носили, какъ обувь, мы же обмѣниваемъ его на другой предметъ.

Приведенное нами различіе между цѣнностью вещи при ея употребленіи (потребительная стоимость) и цѣнностью при обмѣнѣ (мѣновая стоимость), опредѣлилъ еще 2200 лѣтъ тому назадъ греческій философъ Аристотель. Но въ то время производились предметы главнымъ образомъ для собственнаго потребленія и только оставшійся излишекъ шелъ на продажу. Теперь же все производится главнымъ образомъ для продажи и такой способъ производства называется *капиталистическимъ*.

Каждая вещь, приготовленная для обмѣна, должна быть для кого нибудь нужной, должна удовлетворять чьей нибудь потребности: никто, думаемъ, не

взялся бы за то, что ему не приноситъ совершенно никакой пользы; поэтому-то всякій товаръ долженъ имѣть цѣнность потребительную: только вещь годная къ употребленію можетъ сдѣлаться товаромъ.

Однако же не все то, что содержитъ въ себѣ потребительную цѣнность, представляетъ собой и товаръ. Напримѣръ, воздухъ, вѣтеръ, теплота солнца, вода въ рѣкахъ—все это предметы, служащіе для удовлетворенія нуждъ человѣка, однако они не могутъ быть названы товарами. Мы встрѣчаемъ ихъ въ такомъ большомъ количествѣ въ природѣ, что для каждаго, безъ всякаго съ его стороны усилія и труда, они доступны. Если же мы зачерпнемъ воды и принесемъ ее въ извѣстное мѣсто, напр. въ домъ, или употребимъ извѣстный трудъ для доставленія ея посредствомъ водопровода, то эту воду мы будемъ цѣнить иначе, такъ какъ здѣсь, кромѣ потребительной цѣнности, она получила чрезъ нашъ трудъ еще другую цѣнность, а потому сдѣлалась товаромъ и пріобрѣла цѣнность мѣновую. Такимъ образомъ производительный трудъ есть первое условіе мѣновой цѣнности.

Чтобы лучше уяснить себѣ это на примѣрахъ, возьмемъ самый простой случай, т. е. допустимъ, что денегъ не существуетъ, а продажа совершается посредствомъ простаго обмѣна товара на товаръ.

Ткачъ сработалъ положимъ 16 аршинъ полотна, которыхъ онъ самъ не употребляетъ; портной сшилъ платье, котораго тоже не носитъ. Ткачу нужна одежда, портному холстъ. Они могутъ вымѣнять взаимно другъ у друга свои продукты, причемъ замѣтимъ, что 16 аршинъ холста по цѣнѣ стоятъ столько же, сколько платье, сшитое портнымъ.

Новые 16 аршинъ холста ткачъ обмѣниваетъ на разные другіе товары, напр., на столъ, потомъ за такое же количество холста покупаетъ 5 пудовъ хлѣба, затѣмъ 40 мѣръ каменнаго угля и наконецъ книги.

При каждомъ обмѣнѣ цѣнность обмѣниваемыхъ товаровъ одинакова, каждые 16 аршинъ холста равняются платью, столу, 5 пудамъ хлѣба, 40 мѣрамъ угля и т. д.

Получается такой разсчетъ:

16 аршинъ полотна стоятъ столько же, какъ 1 платье.
16 » » » » » 5 пудовъ хлѣба.
16 » » » » » 40 мѣръ угля.
16 » » » » » 1 книга.

Все это продукты, необходимые для удовлетворенія разныхъ потребностей человѣка, и хотя цѣль ихъ различная, какъ и матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы, но все это доказываетъ намъ только то, какое значеніе придаетъ производительный трудъ человѣка матеріалу, доставленному природой.

Разнообразіе этихъ предметовъ дѣлаетъ возможнымъ въ то же время ихъ обмѣнъ, причемъ обмѣниваются не платье на платье или полотно на полотно, а одно на другое: — только различные продукты разныхъ производителей могутъ быть обмѣниваемы.

Присмотриваясь подробнѣе къ товарамъ, мы убѣдимся, что въ холстѣ находится работа ткача, который ленъ, получаемый при посредствѣ труда земледѣльца, превратилъ въ холстъ; что въ платьѣ находится трудъ портнаго и ткача, и кромѣ

того еще шерсть, которая въ свою очередь была добыта трудомъ скотовода; что въ столѣ заключается работа столяра и дровосѣка, а также матеріалъ изъ дерева.

Въ хлѣбѣ мы опять находимъ трудъ пахаря, мельницы и жито, добытое работой земледѣльца. Въ углѣ находится тяжелая работа углекопа и наконецъ въ книгѣ—трудъ составившаго ее писателя, съ присоединеніемъ къ нему труда рабочихъ типографіи, наборщика и переплетчика.

Всѣ означенныя работы имѣютъ большое различіе между собою: работы столяра, углекопа и писателя не похожи другъ на друга, но у всѣхъ у нихъ общее то, что онѣ одинаково требуютъ усилій со стороны человѣка или его труда. Всякій можетъ научиться имъ. Чѣмъ легче и проще работа, тѣмъ менѣе времени она требуетъ отъ человѣка для изученія ея и наоборотъ.

Если мы коснемся того времени, когда земледѣлецъ самъ мололъ свое жито на жерновахъ и самъ себѣ приготовлялъ хлѣбъ изъ своей муки, то увидимъ, что и ленъ, и платье приготовлялись тогда также дома, а не на фабрикахъ. Поэтому тогда одинъ и тотъ же человѣкъ былъ и пахаремъ, и мельникомъ, и пекаремъ; онъ исполнялъ сначала работу пахаря, потомъ ткача и наконецъ портнаго Понятно, что онъ же самъ рубилъ и дрова въ лѣсу, и былъ плотникомъ при постройкѣ своей хаты, былъ значитъ въ одно время и хозяиномъ лѣса, и плотникомъ, и столяромъ. Словомъ, исполнялъ разнаго рода работы, которыхъ въ настоящее время соединить въ одномъ лицѣ почти невозможно. Изъ того, что одинъ и тотъ же человѣкъ былъ въ со-

стояніи выработать для обмѣна столько разнородныхъ продуктовъ, мы ясно видимъ, что всѣ они получились отъ приложенія одного и того же производящаго начала—рабочей силы человѣка.

Во всѣхъ перечисленныхъ нами товарахъ,—въ холстѣ, въ платьѣ, въ столѣ — заключена одна и та же работа людей. Разница здѣсь только въ количествѣ вложеннаго въ отдѣльные товары труда; можетъ быть, чтобы сдѣлать столъ, нужно употребить въ 16 разъ больше времени, нежели выткать 1 аршинъ полотна, или же, чтобы выткать 16 аршинъ холста, нужно употребить въ 16 разъ больше труда, чѣмъ на приготовленіе 1 аршина и т. д. Если, какъ мы уже выше сказали, 16 аршинъ полотна стоятъ столько же, сколько 1 столъ, то значитъ, на приготовленіе стола нужно употребить столько же труда, столько же силъ со стороны человѣка, какъ и на приготовленіе 16 аршинъ полотна *). Что трудъ столяра разнится отъ труда ткача, это собственно насъ не касается: мы знаемъ, что обѣ эти работы одинаково требуютъ усилій со стороны человѣка и на основаніи этого сравниваемъ предметы, произведенные однимъ и тѣмъ же трудомъ.

Такимъ образомъ, основаніемъ мѣновой цѣнности, которою обладаютъ всѣ товары, служитъ заключающійся въ нихъ трудъ человѣка. Однако товары не

*) Извѣстно, что однородные предметы легко можно сравнивать другъ съ другомъ. Сравнивать же между собой такія разныя вещи, какъ холстъ и книги, можно только тогда, когда въ нихъ окажется нѣчто постоянное общее имъ обоимъ, какъ напр. вложенное въ нихъ количество труда.

только обладаютъ *мѣновой цѣнностью*, но въ нихъ точно также обозначается и *количество* мѣновой цѣнности. Мы знаемъ, что одинъ товаръ стоитъ дороже, другой дешевле. А такъ какъ основаніемъ мѣновой цѣнности служитъ трудъ, то большая или меньшая цѣна въ товарахъ указываетъ на большее или меньшее количество заключающейся въ нихъ работы человѣка. Чѣмъ же измѣряется трудъ человѣка? Трудъ можно измѣрять временемъ, которое потребовалось на приготовленіе продукта. Можно точно обозначить, сколько часовъ труда ткача заключается въ вытканномъ имъ холстѣ и сколько часовъ употребилъ портной на приготовленіе платья. Однако работы ткача и портнаго не одинаковы; научиться ткать можно легче и скорѣе, нежели сдѣлаться писателемъ или ученымъ. Чтобы сдѣлаться ткачемъ или столяромъ, нужно нѣкоторое время обучаться ремеслу. Въ каждомъ часѣ работы ткача или столяря находится уже частичка времени, употребленнаго имъ на обученіе ремеслу. Поэтому часъ работы столяра въ два раза производительнѣе и равняется двумъ рабочимъ часамъ простаго рабочаго, который не потребовалъ раньше никакой предварительной подготовки. Еще яснѣе тоже самое наблюдается въ работѣ ученаго. Онъ употребилъ цѣлые годы для пріобрѣтенія общаго образованія и затѣмъ по цѣлымъ мѣсяцамъ отдается спеціальнымъ занятіямъ, чтобы написать такую книгу, составленіе которой требуетъ болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Въ этихъ, можетъ быть, немногихъ часахъ, заключаются однако совершенно другаго рода часы труда, прежде употребленные имъ для своего образованія, а потому одинъ часъ ученаго

равняется напримѣръ 10 часамъ обыкновеннаго труда.

Остановимъ свое вниманіе на профессіональномъ трудѣ и посмотримъ, чѣмъ этого рода трудъ отличается отъ обыкновеннаго. Всякій трудъ, который можетъ быть выполняемъ любымъ здоровымъ человѣкомъ, безъ предварительной подготовки, для чего онъ долженъ употребить опредѣленное время, называется *обыкновеннымъ трудомъ*. Всякій же другой трудъ, требующій большей или меньшей подготовки, называется высшимъ *трудомъ* или *профессіональнымъ*. Послѣдняго рода трудъ впродолженіи того же самаго времени даетъ больше мѣновой стоимости, нежели трудъ обыкновенный. Это всего легче видѣть на примѣрѣ. Допустимъ, что кто нибудь получилъ заказъ сдѣлать какой нибудь довольно сложный снарядъ и что, послѣ многихъ неудачныхъ пробъ, послѣ трехлѣтнихъ усилій, ему удалось таки наконецъ выполнить сдѣланное ему порученіе. Тогда мы вполнѣ справедливо можемъ утверждать, что, такъ какъ онъ работалъ надъ своимъ снарядомъ три года, то въ немъ заключаются три года рабочаго времени и самъ снарядъ имѣетъ цѣну трехлѣтней работы.

Если подмастерье требуетъ для своего обученія слесарному ремеслу цѣлыхъ трехъ лѣтъ, чтобы сдѣлать замокъ, то слѣдовало бы заключить, что и онъ имѣетъ право говорить, что въ его замкѣ заключается также трехлѣтній трудъ. Но нашъ подмастерье не занятъ выработкой только одного замка; онъ въ то же время будетъ работать еще и другіе.—Допустимъ, что этотъ слесарь, благодаря сво-

ему трехлѣтнему обученію, дошелъ до того, что можетъ сдѣлать замокъ впродолженіи половины рабочаго дня. Тогда онъ не можетъ сказать, что въ первомъ замкѣ, который онъ сдѣлалъ, заключается весь трехлѣтній его трудъ, употребленный имъ на обученіе, и что въ сдѣланныхъ имъ потомъ замкахъ его больше не заключается, а только рабочее время, необходимое на приготовленіе одного замка (полъ-дня). Но это было бы невѣрно: въ каждомъ изъ замковъ, которые слесарь сдѣлаетъ, кромѣ времени, необходимаго для выработки замка, заключается также и часть времени, употребленнаго имъ на обученіе ремеслу. Какая это часть, трудно опредѣлить, такъ какъ намъ неизвѣстно, сколько въ своей жизни сдѣлаетъ замковъ этотъ слесарь; мы можемъ только сказать неопредѣленно, что значительная часть этого времени заключается въ каждомъ сдѣланномъ имъ замкѣ. Такимъ образомъ на приготовленіе одного только замка мы опредѣлили 6 часовъ, но здѣсь заключается времени гораздо больше: положимъ что въ общемъ итогѣ это составитъ 7 часовъ. Въ 6 часовъ работы слесарь сдѣлаетъ больше, нежели въ тѣ же 6 часовъ обыкновенный рабочій, которому не требовалось предварительное обученіе.

То же самое можно сказать относительно общечеловѣческаго труда во всѣхъ его видахъ. Количество обыкновеннаго общечеловѣческаго труда, заключеннаго въ товарахъ, и придаетъ продуктамъ мѣновую цѣнность. Измѣряется же количество труда посредствомъ времени. Допустимъ, что нашъ ткачъ работаетъ 16 аршинъ холста постепенно, не спѣша, даетъ себѣ отдыхъ и употребляетъ такимъ образомъ въ два раза больше времени, чѣмъ обыкновенно.

Если бы онъ, на основаніи этого, пожелалъ получить два платья отъ портнаго, то навѣрное получилъ бы такой отвѣтъ: «Для меня все равно, сколько часовъ ты употребишь при этой работѣ; я знаю, что при обыкновенной, безпрерывной работѣ можно выткать ихъ во столько-то часовъ, а потому твои 16 аршинъ полотна имѣютъ только такую цѣнность, какъ если бы ты ихъ сдѣлалъ впродолженіи этого самаго времени. То, что ты, благодаря своей небрежности, работалъ вдвое болѣе, для меня ничего не значитъ». Предположимъ теперь, что нашъ ткачъ работаетъ въ два, три раза скорѣе и такимъ образомъ успѣваетъ сдѣлать свои 16 аршинъ холста въ половину или треть того времени, которое онъ употребилъ ранѣе. Является опять вопросъ: менѣе ли будетъ въ этихъ 16 аршинахъ полотна *общечеловѣческаго* рабочаго времени?.. И долженъ ли будетъ ткачъ продавать свой холстъ дешевле?.. Нѣтъ,— онъ долженъ разсуждать такъ: «когда я работалъ медленнѣе и вальготнѣе, никто мнѣ не засчиталъ времени, употребленнаго мною на работу сверхъ того, которое было *необходимо* для ея выполненія: мнѣ заявили, что такой кусокъ холста *обыкновенно* выработывается въ болѣе короткое время; за болѣе же короткое рабочее время я получу такимъ образомъ бо́льшую плату. Поэтому, если я своимъ прилежаніемъ и усиліемъ успѣю сдѣлать немного больше, чѣмъ работаютъ другіе рабочіе впродолженіи опредѣленнаго времени, то мнѣ будутъ считать мой кусокъ холста, какъ обыкновенно, т. е. какъ еслибы я употребилъ на него точно такое рабочее время, какое обыкновенно требуется на его производство. Такимъ образомъ я получу

плату не за употребленное мною время работы, а больше, чѣмъ обыкновенно платятъ всѣмъ!»

Такой расчетъ ткача вполнѣ правиленъ. Тутъ рѣчь идетъ не о времени, которое употребляетъ какой нибудь одинъ человѣкъ на производство извѣстнаго товара, и не время употребляемое при выдѣлкѣ товара опредѣляетъ его мѣновую цѣнность, но время, которое употребляется для этого каждымъ среднимъ человѣкомъ, при обыкновенномъ усердіи и обыкновенной ловкости. Это *среднее* время называется «*общественно-необходимымъ* временемъ для производства товара».

Нужно обратить еще вниманіе на то, что время, необходимое для выдѣлки напр. стола, куска холста, платья и всякаго другаго товара, зависитъ не отъ одного только усердія и ловкости рабочаго, но также, и это главное, отъ улучшеній въ орудіяхъ труда, машинахъ и т. п. Эти же послѣднія зависятъ отъ общихъ соціальныхъ условій, а не отъ желаній отдѣльнаго человѣка. Напримѣръ, простой сельскій житель, работающій ручной пилой, тратитъ въ два раза больше времени, нежели столяръ, пользующійся силой паровой машины, а потому селянинъ будетъ дѣлать столъ гораздо дольше, чѣмъ столяръ. Ткачъ, работающій на своемъ домашнемъ станкѣ, употребитъ на кусокъ полотна одинаковой величины больше времени, нежели ткачъ, работающій машиной. Типографщикъ на ручномъ станкѣ тратитъ гораздо больше времени, нежели тотъ, который имѣетъ у себя паровую машину. Поэтому, чѣмъ лучше будутъ орудія труда, тѣмъ самый трудъ будетъ выгоднѣе и успѣшнѣе; иначе сказать, тѣмъ меньше будетъ заключаться труда въ каждой отдѣльной вещи.

Отсюда и время, потребное на производство какого нибудь товара, при помощи улучшенныхъ орудій, называется общественно-необходимымъ временемъ. Впослѣдствіи когда будутъ изобрѣтены и повсемѣстно введены еще лучшія и новыя орудія труда, словомъ, когда общество будетъ въ состояніи производить данный товаръ въ болѣе короткій, нежели теперь, промежутокъ времени, съ наступленіемъ этой минуты и количество времени, необходимое прежде на выдѣлку того или другаго товара, *общественно-необходимое* время, измѣнится. При новыхъ, болѣе выгодныхъ средствахъ труда, потребуется уже меньше времени и будетъ другое *общественно-необходимое* время для выработки того или другаго товара. Допустимъ, что ткачъ на машинномъ станкѣ можетъ въ часъ выткать столько полотна, сколько на ручномъ станкѣ его товарищъ сдѣлалъ бы развѣ впродолженіи цѣлаго дня. Этотъ послѣдній получитъ такую плату, какую получилъ бы лѣнивый работникъ и его рабочій день будетъ стоить столько, во сколько оцѣнивается часовая работа ткача на машинномъ станкѣ. Почему же это такъ? Потому что въ цѣнахъ общества господствуютъ такія отношенія производства, которыя при помощи новыхъ орудій труда (машинъ) требуютъ, при среднемъ усердіи и ловкости, одного только часа времени для окончанія работы, на какую ткачъ при ручномъ станкѣ употребляетъ цѣлый день. А между тѣмъ орудія труда, машины, что день, то совершенствуются все болѣе и болѣе; въ свою очередь и стоимость на рынкѣ каждаго предмета не остается все время одинаковой, но понижается, потому что, какъ мы уже знаемъ, стоимость товара

зависитъ отъ общественно-необходимаго времени, употребленнаго на его производство, время же это уменьшается съ улучшеніемъ машинъ. Повторимъ еще разъ, что рѣчь здѣсь идетъ не о времени труда, какое тотъ или другой человѣкъ употребилъ въ дѣйствительности, но о времени «общественно-необходимомъ», т. е. потребномъ на выработку извѣстнаго рода товара при употребленіи наилучшихъ орудій труда въ данное время. Можно сказать болѣе того, что время, которое нужно для производства извѣстнаго рода товара при употребленіи наилучшихъ средствъ производства есть вообще время «общественно-необходимое» и что отъ него зависитъ и мѣновая стоимость товара.

Есть еще одинъ пунктъ, на который необходимо обратить вниманіе. Каждый товаръ предназначается для удовлетворенія опредѣленныхъ нашихъ потребностей: предмета, ни на что не нужнаго, конечно никто не пожелаетъ пріобрѣтать и такой предметъ нигдѣ не сдѣлается товаромъ.

Трудъ, употребляемый на производство предмета, который по своей безполезности не можетъ сдѣлаться товаромъ, можно сказать потраченъ совершенно напрасно. Такой предметъ не имѣетъ никакой мѣновой цѣнности. Отсюда мы можемъ заключить, что нетолько существуютъ предметы, не имѣющіе никакой мѣновой цѣнности,—такъ какъ въ нихъ никто не нуждается и слѣдовательно ихъ никто не будетъ и покупать, но кромѣ того, можетъ даже случиться, что нѣкоторые предметы, въ дѣйствительности очень необходимые и употребительные, становятся неупотребительными и ненужными оттого, что требованіе на нихъ совершено удовлетворено и

излишекъ ихъ никому уже не нуженъ. Напримѣръ, столъ не только нуженъ въ каждомъ домѣ, но безъ него просто нельзя обойтись въ домашнемъ хозяйствѣ. Можно смѣло утверждать, что тысячи семействъ навѣрное желали бы имѣть на 2, на 3 стола больше, чѣмъ они имѣютъ ихъ теперь. Допустимъ, что столяры надѣлали столько столовъ, что на каждую семью пришлось бы болѣе 50 столовъ, чѣмъ теперь. Каждый согласится съ нами, что тогда никакая семья даже и въ подарокъ не приняла бы такого количества столовъ. О покупкѣ же нечего и говорить, такъ какъ тогда не знали бы, гдѣ ихъ и поставить. Если бы столяры заявили: «мы вѣдь трудились надъ этими столами при помощи наилучшихъ машинъ съ обыкновеннымъ прилежаніемъ и ловкостью, поэтому желаемъ, чтобы общество заплатило намъ за нихъ дѣйствительную ихъ мѣновую цѣнность» — имъ бы отвѣтили слѣдующее: если бы вы сдѣлали на каждую семью по два стола, или въ крайнемъ случаѣ не болѣе трехъ,—мы были бы еще вамъ благодарны за то, что вы своимъ трудомъ удовлетворили общую потребность. Время труда, употребленнаго вами на производство двухъ столовъ для каждой семьи, мы высчитали бы тогда точно— сколько рабочихъ часовъ нужно было затратить для удовлетворенія общественной пользы,—и по этимъ часамъ опредѣли бы «общественно-необходимое время труда». Но теперь, что мы можемъ сдѣлать съ вашими столами, оставшимися безъ употребленія?... Ихъ даже негдѣ хранить, такъ какъ у насъ нѣтъ для этого магазиновъ! Изъ каждыхъ 50 столовъ, сдѣланныхъ вами, 47 никому не нужны. Съ какой же статьи вами потрачено такъ много ненуж-

наго труда? — Такой приблизительно былъ бы отвѣтъ нашъ столярамъ. Безполезнымъ трудомъ мы называемъ въ этомъ случаѣ трудъ, употребленный на производство 47 лишнихъ столовъ на каждую семью: напротивъ трудъ, употребленный на изготовленіе 3 столовъ, вполнѣ производителенъ. Непроизводительный трудъ—не «общественно-необходимый», а потому такой трудъ не производитъ и мѣновой стоимости.

Предположимъ, что на изготовленіе 50 столовъ нужно было употребить 50 рабочихъ дней, т. е. одинъ столъ требовалъ одного рабочаго дня; отсюда при изготовленіи 50 столовъ на семью, т. е. при затратѣ 50 рабочихъ дней для каждой семьи, 47 дней, употребленныхъ на изготовленіе 47 лишнихъ столовъ, становятся временемъ безполезнаго труда, и въ 50 столахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, заключается только три дня «общественно-необходимыхъ», остальные же 47 дней—труда непроизводительнаго.

Но такъ какъ общественно-необходимый трудъ придаетъ товару цѣнность, то и въ нашихъ 50 столахъ будетъ заключаться только стоимость, соотвѣтствующая тремъ столамъ на каждую семью.

Если бы столяры сожгли свои 47 столовъ изъ каждыхъ 50, они получили бы за остальные 3 стола ихъ постоянную стоимость, и слѣдовательно за 50 получили бы столько же, сколько и за три. Если же 50 столовъ стоятъ лишь столько, сколько и три, то какая же будетъ стоимость каждаго изъ 50 столовъ?... 50 столовъ равняются 3 днямъ работы, поэтому одинъ столъ будетъ равняться тремъ пятидесятымъ ($^3/_{50}$) рабочаго дня. Цѣна каждаго отдѣль-

наго стола зависитъ въ нашемъ примѣрѣ не только отъ общественно-необходимаго времени, которое нужно было употребить при помощи наилучшихъ орудій производства, но также и отъ того обстоятельства, дѣйствительно ли была въ то время общественная потребность въ извѣстномъ товарѣ, надъ удовлетвореніемъ которой рабочій трудится. Если ея не было, то трудъ его окажется непроизводительнымъ, и сработанные имъ предметы не будутъ имѣть никакой цѣнности. Что мы сказали о цѣнности товаровъ, можетъ быть примѣнено и къ цѣнности личныхъ услугъ. Стоимость услуги также зависитъ отъ времени, необходимаго для ея исполненія. Нужно однако-же замѣтить, что самое исполненіе опредѣленныхъ услугъ можетъ быть не очень продолжительно и не требовать большихъ усилій, но за то нужно употребить предварительно много времени, чтобы научиться выполнять ихъ. Къ времени, употребленному на такое выполненіе, необходимо прибавлять время, затраченное на приготовительную работу, на пріобрѣтеніе знаній. Намъ кажется, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ при занятіяхъ врача, посѣщеніе его бываетъ коротко, но онъ имѣетъ право на особое вознагражденіе за время, употребленное имъ на изученіе медицины. Поэтому стоимость врачебнаго труда можно представить слѣдующимъ образомъ: на изученіе медицинской науки нужно употребить около 6 лѣтъ, чтобы потомъ заниматься практикой и лѣчить больныхъ, положимъ, впродолженіи какихъ нибудь 30 лѣтъ; слѣдовательно, на каждыя 5 лѣтъ нужно считать 1 годъ науки. 5 лѣтъ врачебной практики равняются такимъ образомъ стоимости 6 лѣтъ обыкновеннаго труда.

Если-бы на всю Европу приходилась только одна медицинская школа, въ которой только и можно было бы изучать медицину, то наука эта доставалась бы еще съ большими затрудненіями нежели теперь, вслѣдствіе чего и трудъ врача тогда долженъ былъ бы вознаграждаться еще выше. Наконецъ знаменитые и пользующіеся особымъ довѣріемъ врачи берутъ за свои визиты гораздо больше, чѣмъ слѣдуетъ; но это является скорѣе вслѣдствіе рѣдкости извѣстнаго предмета и нисколько не нарушаетъ законовъ экономической жизни.

V.

Деньги и цѣна.

Намъ уже извѣстно, отчего зависитъ цѣнность каждаго предмета. Обмѣниваются одинъ на другой два одинаково необходимыхъ предмета, напримѣръ желѣзо и полотно; посмотримъ теперь, сколько фунтовъ желѣза нужно будетъ дать взамѣнъ 16 аршинъ полотна. Для этого нужно точно опредѣлить количество желѣза, въ которомъ будетъ заключаться такое же самое количество общественно-необходимаго труда, какое требовалось на приготовленіе 16 аршинъ полотна. Стоимость предметовъ, точно опредѣляемая нами при обмѣнѣ одного товара на другой и вполнѣ понятная для насъ, была совершенно неизвѣстною вещью для дикарей, которые только случайно сталкивались съ другими производителями и время отъ времени обмѣнивались съ ними излишкомъ своихъ продуктовъ. Все рѣшительно зависѣло здѣсь отъ случая, одно племя давало другому нѣсколько штукъ скота взамѣнъ за какія нибудь простыя орудія, которыя хотѣла себѣ пріобрѣсти другая община. Количество продукта зависѣло здѣсь или отъ того, кому изъ нихъ были нужны чужіе продукты, или же отъ того, кто кого успѣлъ надуть и т. д.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы уже говорили вы-

ше, съ улучшеніемъ орудій и съ увеличеніемъ раздѣленія труда между людьми, разныя общества начали вырабатывать у себя и разные предметы. Вслѣдствіе этого каждое общество должно было взамѣнъ своихъ произведеній пріобрѣтать много разныхъ предметовъ отъ другихъ народовъ или отдѣльныхъ людей. При частомъ практикованіи обмѣна, количество извѣстнаго рода предметовъ, выдаваемыхъ взамѣнъ за опредѣленное количество другихъ, становилось величиной все болѣе и болѣе опредѣленной и всѣмъ извѣстной. Напримѣръ, общество, занимавшееся исключительно скотоводствомъ, часто должно было мѣнять свой скотъ на многія другія вещи, какихъ оно само не производило. Положимъ, оно однажды обмѣняло штуку скота на 10 усовершенствованныхъ луковъ, въ другой разъ двѣ штуки на мѣру пшеницы, затѣмъ 1 штуку скота на 5 сандалій и т. д. Такимъ образомъ это общество и люди, которые имѣли съ нимъ сношенія, привыкли сравнивать стоимость разныхъ предметовъ со стоимостью штуки скота. Отсюда получается примѣрно такой счетъ:

10 луковъ	стоятъ столько же, сколько стоитъ	1 штука скота.
½ мѣры пшеницы	» »	1 » »
1 молодой невольникъ	» »	1 » »
5 паръ сандалій	» »	1 » »

Стоимость всѣхъ необходимыхъ предметовъ измѣряется здѣсь стоимостью 1 штуки скота.

Со временемъ, когда внутри каждой общины занятія начали раздробляться, выдѣлились люди, изъ которыхъ одни занялись портняжествомъ, другіе сапожнымъ ремесломъ, третьи столярнымъ и т. д.

Тогда для удовлетворенія различныхъ своихъ потребностей они должны были обмѣнивать другъ у друга одинъ предметъ на другой, причемъ портной напримѣръ долженъ былъ считать такъ:

16 аршинъ полотна	равняется	1 сюртуку.
10 ф. чаю	»	1 »
1 шкафъ	»	1 »
2 четверика пшеницы	»	1 »

Для него сюртукъ замѣнялъ какъ-бы деньги, и за него онъ пріобрѣталъ себѣ все необходимое для себя. Для сапожника тѣмъ же самымъ средствомъ для обмѣна служили сапоги, для столяра—шкафъ, столы и т. под. Понятно, что каждый изъ этихъ предметовъ не всегда могъ съ удобствомъ замѣнять деньги, такъ какъ это соединялось съ большими неудобствами: если напримѣръ за 10 ф. чаю портной давалъ одинъ сюртукъ, то что же онъ долженъ былъ дѣлать, если бы захотѣлъ вмѣсто 10 купить только 1 ф. чаю? Не могъ же онъ отрѣзать за это кусокъ сюртука, такъ какъ часть сюртука никому не нужна и не имѣетъ поэтому никакой стоимости. Кромѣ того сюртукъ нельзя долго хранить, такъ какъ онъ можетъ портиться отъ лежанія и тогда стоимость его должна понизиться. Тѣ же самыя неудобства встрѣчались и при другихъ перечисленныхъ нами товарахъ, если бы захотѣли употребить ихъ вмѣсто денегъ.

Деньгами, значитъ, можетъ быть только такой товаръ, который способенъ дѣлиться на мелкія части, не уменьшаясь притомъ въ своей пропорціональной стоимости и который можно долго хранить. Золото и есть именно такой товаръ, который имѣетъ всѣ указанныя свойства и потому самому оно и стало

предметомъ, съ которымъ сравниваются всѣ другіе предметы, т. е. оно стало *товаромъ-деньгами*.

Сначала цѣна каждаго предмета опредѣлялась вѣсомъ золота. Установилось, что сюртукъ стоитъ 2 унца золота, шкафъ 3 унца золота и т. д. Позднѣе, чтобы избѣжать дѣленія на части и развѣшиваній каждый разъ золота, допускающихъ къ тому же возможность обмана, начали чеканить монету опредѣленнаго вѣса и достоинства. Прибавимъ къ сказанному, что если сюртукъ, напримѣръ, стоитъ 10 рублей, то это значитъ, что въ сюртукѣ заключается такое самое количество труда человѣка, какое было употреблено для добыванія и переработки золота, употребленнаго на чеканку десятирублевыхъ имперіаловъ *). Теперь при существованіи товара - золота, употребляемаго въ качествѣ денегъ, портной, имѣющій ненужный ему сюртукъ, но въ то же время нуждающійся, напримѣръ, въ хлѣбѣ, сапогахъ, книгахъ и другихъ вещахъ, не долженъ уже будетъ искать такого пекаря, сапожника или виноторговца, которымъ понадобился бы его сюртукъ, чтобы взамѣнъ его получить отъ нихъ нужный ему товаръ. Онъ долженъ только отыскать кого нибудь, кому нуженъ этотъ сюртукъ и получить за него столько денегъ, сколько стоитъ самый сюртукъ (мы знаемъ уже, какъ исчисляется цѣнность предмета). За полученныя деньги онъ купитъ себѣ уже все чего только захочетъ, платя за каждый товаръ слѣ-

*) Если мы платимъ за товаръ не золотомъ, но бумажными рублями, неимѣющими собственно никакой цѣнности, то рубли эти принимаются только потому, что казна по каждому требованію выдаетъ въ замѣнъ бумажекъ соотвѣтствующее количество золотыхъ или серебряныхъ монетъ.

дуемую за него стоимость. И такъ нашъ портной получитъ за свой сюртукъ 20 ф. хлѣба, столъ, пару креселъ или же книги. Всѣ эти предметы въ общемъ будутъ стоить столько, сколько стоитъ и его сюртукъ, т. е. на приготовленіе ихъ употреблено было столько труда, сколько его пошло на работу сюртука *). Мѣновая цѣнность какого нибудь предмета, если она выражается не въ самомъ товарѣ, а въ деньгахъ за этотъ товаръ, называется *цѣной* его! Поэтому, если портной получаетъ 10 рублей за свой сюртукъ, то онъ говоритъ обыкновенно, что 10 рублей—цѣна сшитаго имъ сюртука.

*) Понятно, что при опредѣленіи количества труда, заключающагося въ сюртукѣ, надо имѣть въ виду не только трудъ портнаго, но и трудъ крестьянина или крестьянки, которые собирали ленъ или шерсть, трудъ ткача, который выткалъ этотъ ленъ, и прибавить къ нимъ трудъ, заключающійся въ употребленныхъ при этомъ орудіяхъ (напр. машинахъ), трудъ при передачѣ льна ткачу и сукна портному и т. д.

II.

О КАПИТАЛѢ

I.

Капиталъ.

Предположимъ, что портной продаетъ за 10 рублей сшитый имъ сюртукъ и покупаетъ за эти деньги шкафъ; онъ получаетъ такимъ образомъ предметъ, имѣющій такую-же самую цѣнность, какъ и его сюртукъ, если только онъ самъ на столько добросовѣстенъ, что никого не желаетъ обманывать, и на столько остороженъ, что и себя никому не позволитъ обмануть. Польза, которую портной получитъ при продажѣ сюртука и покупкѣ за эти деньги шкафа, будетъ заключаться въ томъ, что онъ сбылъ вещь ему совершенно ненужную (сюртукъ) и пріобрѣлъ вмѣсто нея нужную (шкафъ). Онъ вполнѣ удовлетворилъ себя, хотя ничего не заработалъ. Но что же дѣлалъ бы нашъ портной если бы онъ не нашелъ себѣ покупщика на сюртукъ? Столяръ, если сюртукъ былъ ему не нуженъ, не далъ бы за него шкафа, а пекарь тоже самое не далъ бы хлѣба. Всѣ они ожидали себѣ покупателей и портной, имѣя десятки

сюртуковъ, могъ бы умереть съ голоду. Каждый изъ нихъ можетъ попасть въ такое критическое положеніе, если у нихъ нѣтъ скопленныхъ про запасъ денегъ. И такъ для каждаго является необходимость имѣть у себя побольше денегъ, на которыя онъ можетъ всегда купить все для себя нужное. Потребность эта увеличивается съ каждымъ днемъ по мѣрѣ возрастанія предметовъ, выработанныхъ не для собственнаго употребленія, но съ цѣлью обмѣна, такъ какъ каждый старается пріобрѣсти по возможности больше предметовъ за деньги. Откуда однако взять денегъ? Золото, какъ извѣстно, добывается въ золотыхъ пріискахъ, при помощи рабочихъ. Но цѣлая гора золота не въ состояніи сама по себѣ ни насытить голоднаго, ни согрѣть отъ холода, и рудокопы съ золотыхъ пріисковъ должны обмѣнивать свое золото на разные другіе товары, нужные для человѣка, какъ то: на хлѣбъ, на мясо, на платье и т. п. Понятно, что за каждый товаръ они будутъ давать какъ разъ столько золотниковъ золота, сколько его добыто впродолженіи общественно-необходимаго времени, употребленнаго на производство пріобрѣтаемаго предмета. Такимъ образомъ портной получитъ отъ рудокопа золото за свой сюртукъ и опять въ свою очередь за него купитъ себѣ хлѣба отъ пекаря, столъ отъ столяра и т. д. Въ нашемъ примѣрѣ портной самъ продаетъ свой товаръ, то же самое дѣлаетъ пекарь, столяръ. Если бы всѣ такъ дѣлали, если-бы только одни производители продавали свои произведенія и за нихъ получали деньги, то никто тогда не жилъ бы безъ труда. Однако мы знаемъ, что такъ не бываетъ; всякому извѣстно, что есть много людей, кото-

рые живутъ очень роскошно и ничего не дѣлаютъ. Бываетъ и такъ, что кто нибудь, добывши денегъ, находитъ возможность увеличить ихъ потомъ безъ всякаго труда. Достигнуть этого можно всего проще, покупая за деньги товары, и потомъ продавая ихъ дороже, съ прибылью. Такимъ образомъ постепенно выдвигаются люди, начинающіе покупать товары не для удовлетворенія отдѣльнымъ своимъ потребностямъ, а единственно съ цѣлью получить при продажѣ больше денегъ, нежели заплачено ими самими и нажить такимъ образомъ барышъ. У насъ портной и столяръ взаимно обмѣниваются товарами, имѣющими одинаковую мѣновую цѣнность. Купцы же при перепродажѣ всегда получаютъ гораздо больше денегъ, нежели заплатили сами за товаръ. Покупать для продажи, значитъ: выдать опредѣленную сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы потомъ получить больше, безъ всякаго увеличенія цѣнности товара, чрезъ вложеніе въ него какого нибудь новаго труда. Деньги, которыя такимъ образомъ увеличиваются сами собой, создаютъ *капиталъ*. Понятно, что при такомъ увеличеніи денегъ никакой новой цѣнности не появляется. Чтобы пояснить это на примѣрѣ, предположимъ, что Петръ купилъ у Ивана за 100 рублей полотна и продалъ его Павлу за 110 рублей. Предъ обращеніемъ въ оборотъ денегъ, Петръ имѣлъ готовыхъ 100 рублей. Иванъ же имѣлъ полотно, по цѣнности равное 100 рублямъ, у Павла же были на готовѣ 110 рублей. Всѣ трое располагали такимъ образомъ суммою въ 310 рублей. Вся разница заключается здѣсь въ томъ, что 10 рублей перешли изъ кармана Павла въ карманъ Петра. Остается теперь опредѣлить, гдѣ заключается дѣйствительная стоимость товара, такъ

какъ мы знаемъ, что она заключается въ трудѣ. Въ нашемъ примѣрѣ трудъ уже вполнѣ законченъ, а потому и цѣнность не должна бы увеличиться. Петру удалось всетаки заработать 10 рублей, перенесенныхъ изъ кармана Павла въ свой собственный, благодаря только тому, что онъ пустилъ свои деньги въ торговый капиталъ. Еще легче Петръ могъ бы увеличить свой капиталъ, съ убыткомъ конечно для Павла, если бы онъ далъ ему въ ссуду эти 100 рублей, условившись напередъ, что, по истеченіи опредѣленнаго срока, Павелъ возвратитъ ему эту самую сумму съ доплатой 10 рублей процентовъ. Въ этомъ случаѣ Петръ для увеличенія своего капитала, не покупаетъ уже товара, для того чтобы потомъ продать его дороже, но просто беретъ отъ Павла часть владѣемыхъ имъ денегъ, обмѣнивая свои 100 рублей на *процентный капиталъ*. Однако въ томъ и другомъ случаѣ, капиталъ торговый и капиталъ процентный не производятъ никакой цѣнности, передавая только деньги изъ рукъ одного человѣка въ руки другаго. Капиталъ могъ бы произвести изъ себя новую цѣнность только въ томъ случаѣ, если бы онъ представлялъ собой на рынкѣ особеннаго рода товаръ, имѣющій мѣновую цѣнность, товаръ, который заключалъ бы въ себѣ силу, производящую цѣнность, и могъ бы доставлять пользу владѣльцу этой трудовой силы. Но, какъ извѣстно, единственная сила, производящая цѣнность товаровъ—это рабочая сила человѣка. А потому, если появится такая рабочая сила на рынкѣ и будетъ куплена какъ товаръ (посредствомъ найма) владѣльцемъ денегъ, то эта сила должна будетъ работать въ его пользу и произведетъ новую стоимость, заключающую въ себѣ

конечно больше, нежели вознагражденіе за трудъ. Иначе капиталисты не стали бы нанимать рабочую силу. Только при такомъ условіи капиталъ и можетъ увеличиваться, получая на каждые 100 рублей новую дѣйствительную цѣнность 110 рублей. И такъ, это возможно только въ томъ случаѣ, когда капиталистъ за опредѣленную плату покупаетъ рабочую силу и заставляетъ ее работать на себя, а произведенный продуктъ продаетъ съ барышами.

При какихъ условіяхъ становится возможнымъ покупка рабочей силы и отъ чего зависитъ цѣна этого, единственнаго въ своемъ родѣ, товара, увидимъ въ слѣдующей главѣ.

II.

Рабочая сила, какъ товаръ.

Изъ предыдущей бесѣды намъ уже извѣстно, что каждый предметъ можетъ стать товаромъ. Непремѣннымъ условіемъ въ этомъ случаѣ является то обстоятельство, чтобы владѣлецъ даннаго предмета имѣлъ право и возможность свободно распоряжаться тѣми вещами, какія онъ желаетъ обмѣнять на другіе предметы. Кромѣ того, необходимо, чтобы и самъ по себѣ предметъ представлялъ изъ себя какую нибудь потребительную стоимость, т. е. могъ служить для удовлетворенія извѣстныхъ нуждъ, иначе никто не захочетъ обмѣнивать его на свой предметъ. Далѣе извѣстный предметъ долженъ стать для его владѣльца лишнимъ и ненужнымъ, ибо никто не будетъ мѣнять такого предмета, безъ котораго самъ не могъ бы обойтись. Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворяетъ въ настоящее время рабочая сила, сама себя продающая на рынкѣ. Обратимся къ историческимъ условіямъ, вслѣдствіе которыхъ она сдѣлалась товаромъ. Пока существовало невольничество, до тѣхъ поръ не могло быть и рѣчи о наймѣ рабочей силы. Тогдашній человѣкъ всецѣло продавался вмѣстѣ со своей рабочей силой такъ,

какъ теперь продается скотъ, и невольникъ, что называется, вмѣстѣ съ своей шкурой, волосами, мясомъ и костями находился въ полномъ распоряженіи владѣльца. Такимъ образомъ невольникъ считался за товаръ, за вещь, которую обмѣнивали, какъ и всякій другой товаръ; словомъ, онъ былъ только «орудіемъ, одареннымъ жизнью». Во время крѣпостнаго права рабочая сила также не могла еще сдѣлаться товаромъ; рабочій, принужденный работать на своего господина впродолженіи цѣлаго года, не имѣлъ никакого права распоряжаться своею рабочею силой и не могъ замѣнять ее платой, какъ обмѣниваютъ другіе товары, и требовать возвышенія платы при увеличеніи цѣны на жизненные продукты. Оказывается, значитъ, что крѣпостное право мало чѣмъ отличалось отъ невольничества. Только съ тѣхъ поръ, какъ рабочій началъ пользоваться личной свободой и сталъ независимымъ отъ другихъ людей, онъ получилъ возможность употребить свою рабочую силу или на самого себя, или же уступить ее другому на опредѣленное время. Мы знаемъ также, что предметъ можетъ сдѣлаться товаромъ только тогда, если онъ годенъ для употребленія и къ тому же составляетъ излишекъ для его владѣльца. А потому и рабочая сила, благодаря которой производятся всѣ необходимыя для жизни средства, только тогда превращается въ товаръ, когда остается безъ употребленія для владѣльца на личныя его нужды, т. е. тогда, когда обладатель рабочей силы не можетъ самъ получать уже пользы отъ ея употребленія на себя лично. Человѣкъ тогда только можетъ самъ пользоваться своей рабочей силой, когда у него есть сырой матеріалъ для ея примѣненія и орудія труда,

при помощи которыхъ онъ могъ бы выработать изъ сыраго матеріала предметы, нужные для всѣхъ. Кромѣ того, во время производства работъ, рабочій долженъ имѣть готовое содержаніе, одежду, квартиру, и т. п. Если рабочій владѣетъ сырымъ матеріаломъ, орудіями и содержаніемъ, онъ и не подумаетъ уступать свою рабочую силу другому, а постарается самъ произвести новую потребительную стоимость. И такъ, пока обладатель рабочей силы владѣетъ средствами производства, до тѣхъ поръ его рабочая сила не можетъ сдѣлаться товаромъ. Но съ теченіемъ времени устанавливаются такія отношенія, вслѣдствіе которыхъ рабочій съ единственной своей собственностью, какой онъ владѣетъ, съ однимъ товаромъ, который онъ можетъ вымѣнять, или получить за него взамѣнъ необходимыя средства для жизни, т. е. рабочій съ своей рабочей силой, принужденъ бываетъ продавать себя на рынкѣ и, какъ всякій другой товаръ, выставлять свою рабочую силу на продажу. Если рабочій не съумѣетъ обмѣнять этого своего товара на деньги и если къ тому же у него не достаетъ средствъ для жизни, ему грозитъ голодъ: собственно этотъ голодъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ и заставляетъ его заключать на свою силу такія условія, которыя находятся вмѣстѣ съ тѣмъ въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ его личной свободой.

Посмотримъ, какія являются послѣдствія всего этого. Прежде, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь подмастерье могъ еще надѣяться, что, по окончаніи опредѣленнаго срока, впродолженіе котораго онъ обучался ремеслу, ему удастся собрать маленькій капиталецъ, нужный, напримѣръ, для покупки не-

дорого верстака и нѣсколько простыхъ орудій, чтобъ работать у себя дома и употреблять свою рабочую силу на свою собственную пользу, не будучи вынужденнымъ отдавать ее другимъ. Но можетъ ли объ этомъ даже мечтать теперешній обыкновенный рабочій, можетъ ли онъ надѣяться, что когда-нибудь онъ сдѣлается владѣльцемъ той фабрики, въ которой ему приходится работать и для пріобрѣтенія которой нужна не одна сотня тысячъ? Всякому очевидно, что въ дѣйствительности нетолько онъ, но и его дѣти вѣчно останутся наемными рабочими и всегда будутъ продавать свою рабочую силу. Болѣе того, даже тѣ которые теперь еще работаютъ на свой собственный страхъ въ своихъ мелкихъ мастерскихъ, завтра быть можетъ принуждены будутъ выставить на продажу свою рабочую силу, когда, подъ натискомъ усиливающейся конкурренціи со стороны фабрикъ, ремесла падаютъ, а владѣльцы мелкихъ мастерскихъ разоряются и сходятъ со сцены. Итакъ, если рабочая сила стала товаромъ и, подобно всякому другому товару, можетъ продаваться, то является прежде всего вопросъ, какъ велика цѣнность этого товара и за какую цѣну будетъ идти рабочая сила на рынкѣ? Мы знаемъ, что цѣнность каждаго товара зависитъ отъ количества рабочаго времени, вообще — необходимаго на его производство. Но что нужно для производства рабочей силы? Отвѣтъ очень простой. Чтобы рабочая сила каждый день была на рынкѣ, нужно, чтобы живой человѣкъ, который ее носитъ въ себѣ и выставляетъ на продажу, былъ здоровъ и способенъ къ труду. Но быть здоровымъ и имѣть возможность трудиться

можетъ только такой человѣкъ, который обладаетъ достаточнымъ количествомъ пищи, имѣетъ помѣщеніе и одежду,—словомъ, удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ. Вотъ это-то количество необходимыхъ къ жизни средствъ, которое необходимо ему для *возстановленія* употребленной уже имъ рабочей силы и для продолженія дальнѣйшей работы, становится мѣновой стоимостью самой рабочей силы. И, если бы еще рабочій получалъ за свой трудъ соотвѣтствующее количество необходимыхъ предметовъ для жизни, то онъ получалъ бы какъ разъ столько, сколько ему нужно для прожитія. Но обыкновенно рабочій получаетъ вознагражденіе деньгами, за которые потомъ пріобрѣтаетъ себѣ нужныя вещи. Эта-то сумма денегъ, какую рабочій получаетъ за свой трудъ, становясь цѣной рабочей силы, и должна ему хватить на покупку всѣхъ необходимыхъ для жизни средствъ. Однако потребности человѣка чрезвычайно различны, сообразно съ климатическими и общественными условіями данной мѣстности. Въ жаркихъ напр. странахъ человѣкъ нуждается въ меньшемъ количествѣ пищи и одежды и въ болѣе простомъ помѣщеніи. Потому и рабочая плата тамъ меньше. Наоборотъ, въ мѣстностяхъ съ холоднымъ климатомъ для содержанія человѣка и его рабочей силы нужна болѣе теплая одежда, больше пищи и отопленія. Понятно, что при такихъ условіяхъ и рабочая плата должна быть выше, такъ какъ человѣкъ умеръ бы тамъ, гдѣ его рабочей платы довольно было бы только на такую пищу и такую одежду, какія употребляются жителями страны болѣе теплой. Но кромѣ этихъ природныхъ условій, вліяющихъ на величину рабочей платы, ко-

личество и качество жизненныхъ средствъ, необходимыхъ для содержанія работника, а слѣдовательно и цѣна рабочей силы зависятъ больше всего отъ привычекъ рабочаго класса въ извѣстной мѣстности, отъ степени образованія и развитія его. Лапти, напримѣръ, гораздо хуже защищаютъ ноги, чѣмъ кожанная обувь, которая раньше не была даже въ употребленіи у рабочихъ; теперь же сапоги стали однимъ изъ предметовъ, необходимыхъ для жизни, и рабочій не можетъ согласиться продать свою рабочую силу за такую цѣну, которая лишила бы его возможности носить сапоги. Во Франціи напр. рабочій можетъ каждый день ѣсть мясо и читать свою газету, значитъ онъ требуетъ такой платы, которой достаточно было бы для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей. Но, кромѣ того, удовлетворяя всѣмъ потребностямъ своего организма, работникъ съ теченіемъ времени становится дряхлымъ, утрачиваетъ все болѣе и болѣе свою силу и наконецъ умираетъ. На мѣсто этой умершей силы должна появиться на рабочемъ рынкѣ какая-то другая, свѣжая и молодая. Такое пополненіе рабочей силы на рынкѣ производится при помощи размноженія. Старое поколѣніе рабочихъ вымираетъ, оставляя въ своемъ потомствѣ новыхъ владѣльцевъ и новыхъ продавцевъ рабочей силы. Количество жизненныхъ средствъ, необходимыхъ для рабочаго, должно еще хватить ему и на воспитаніе дѣтей въ первые годы ихъ жизни до тѣхъ поръ, пока они сами не начнутъ работать *).

*) Если бы дѣтскій трудъ былъ запрещенъ закономъ и дѣти начинали работать на фабрикахъ въ позднѣйшемъ

Рабочая сила, которая вслѣдствіе продажи переходитъ во временное владѣніе ея покупателя, не можетъ быть отдѣлена отъ личности самого рабочаго; напротивъ, она находится въ его организмѣ, его мускулахъ, жилахъ, нервахъ и мозгѣ. Продажа рабочей силы есть какъ бы временная продажа самаго человѣка. Пріобрѣтатель рабочей силы, если пожелаетъ извлечь изъ нея пользу, долженъ владѣть личностью человѣка, указать ему, въ какомъ направленіи и какимъ способомъ онъ долженъ употребить свою рабочую силу, уступленную на опредѣленное время ему, капиталисту. Поэтому-то въ разсчетныхъ книжечкахъ на первомъ планѣ и стоитъ правило о «полнѣйшемъ повиновеніи» своему хозяину.

Наемный рабочій употребляетъ свою рабочую силу секунда за секундой; что ни минута, то часть его рабочей силы переходитъ въ собственность капиталиста, а по окончаніи работы и съ израсходованіемъ всей рабочей силы, капиталистъ дѣлается полнымъ владѣльцемъ продуктовъ, произведенныхъ купленной имъ рабочей силой; рабочій же, истратившій свою проданную силу, опять становится свобод-

возрастѣ, заработокъ семьи рабочаго не уменьшился бы отъ этого; взрослые рабочіе при этомъ получатъ плату, которой было бы достаточно для содержанія дѣтей. Естественно, что отъ этого выиграло бы все общество, такъ какъ дѣти рабочихъ получили бы возможность учиться въ школахъ и достигали бы полнаго развитія силъ своихъ. Рабочій классъ получилъ бы еще и ту выгоду, что мѣста, занятыя теперь дѣтьми, остались бы свободными, вслѣдствіе чего спросъ на трудъ взрослыхъ рабочихъ увеличился, а конкурренція между ними уменьшилась бы. Въ результатѣ получилось бы повышеніе рабочей платы.

нымъ человѣкомъ, съ которымъ капиталистъ снова можетъ вступить въ соглашеніе, предлагая ему деньги и покупая его способность къ труду. Итакъ, вполнѣ будетъ правильно, если мы скажемъ, что рабочій во время производства тѣхъ или другихъ продуктовъ отдаетъ пріобрѣтателю свой товаръ—рабочую силу по частямъ; покупщикъ же ея, по своему желанію, становится владѣльцемъ купленнаго имъ товара—рабочей силы, за которую платитъ только по окончаніи работы. Выдача денегъ впередъ вообще встрѣчается очень рѣдко, между тѣмъ рабочій почти всегда трудится впередъ на капиталиста, такъ какъ послѣ каждаго часа работы хозяинъ его становится владѣльцемъ части пріобрѣтеннаго имъ товара — рабочей силы; работникъ же въ это время не получаетъ еще никакого вознагражденія, т. е. не пользуется еще платой, какая причитается за уступленную уже имъ впродолженіе того времени часть рабочей силы. Если, напр., на ткацкой фабрикѣ что ни часъ, то получается кусокъ полотна въ 1.000 аршинъ, который и отправляется въ магазины, а рабочимъ уплачивается ихъ задѣльная плата только въ концѣ недѣли, то очевидно, что на весь этотъ періодъ времени рабочіе уступили капиталисту свою рабочую силу въ кредитъ.

Подобный порядокъ кажется съ перваго взгляда маловажнымъ, на самомъ же дѣлѣ онъ сопровождается довольно осязательными послѣдствіями какъ для работодателей, такъ и для рабочихъ. Работодатель не только нигдѣ почти не беретъ денегъ для уплаты заработка рабочимъ, а даже наоборотъ помѣщаетъ ихъ обыкновенно въ банкахъ на проценты. Поэтому, если бы работодатель обязанъ былъ уплачивать

работникамъ ихъ задѣльную плату каждый вечеръ, т. е. сейчасъ по употребленіи опредѣленной части купленной имъ рабочей силы, то у него уменьшился бы процентъ за дни, въ которые онъ пользуется кредитомъ, ссуженнымъ ему работниками. Въ самомъ дѣлѣ, если рабочая плата за день стоитъ напр., 50 коп., процентъ же въ годъ со 100 р. составитъ 5 рублей, то работодатель въ недѣлю отъ одного рабочаго получитъ процентъ немного болѣе ½ коп. Но если это будетъ продолжаться втеченіе цѣлаго года и фабрикантъ дастъ работу огромному количеству рабочихъ, то изъ такихъ мелкихъ суммъ составится довольно значительная сумма: навѣрное каждый рабочій въ годъ дастъ ему болѣе 5 рублей *).

Вслѣдствіе кредитованія своей рабочей платы рабочіе несутъ другую потерю, гораздо большую, нежели та прибыль, которую работодатели получаютъ съ процентовъ. Мы знаемъ уже, что рабочій долженъ каждый день покупать продукты, нужные ему для жизни. Не имѣя возможности за все платить наличными деньгами, рабочіе по необходимости берутъ въ кредитъ и попадаютъ чрезъ то въ руки мелкихъ ростовщиковъ-продавцовъ: послѣдніе, отпуская товары въ кредитъ, даютъ рабочему плохой товаръ, обманываютъ его въ мѣрѣ и вѣсѣ, продаютъ дороже и наживаютъ такимъ образомъ

*) Здѣсь авторъ очевидно ошибается: вмѣсто «болѣе ½ коп.» слѣдуетъ по исчисленію *менѣе* ½ коп., а вмѣсто «болѣе 5 рублей»—*менѣе 9 коп.*

Ф. П.

большія суммы. В. В. Святловскій (фабричный инспекторъ Варшавскаго округа) много говоритъ о вредѣ для рабочихъ такихъ продолжительныхъ сроковъ расплаты съ рабочими и вполнѣ справедливо поэтому настаиваетъ на необходимости ихъ сокращенія.

III.

О добавочной стоимости.

Посмотримъ теперь, какую прибыль получаетъ капиталистъ изъ купленной имъ рабочей силы. Какимъ образомъ онъ получаетъ прибыль отъ употребленія или, какъ говорятъ экономисты, отъ потребленія этого особеннаго товара? Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, разсмотримъ подробно, какъ происходитъ производство или продукція товаровъ. Кто хочетъ работать, тотъ прежде всего долженъ имѣть матеріалъ, къ которому онъ могъ бы приложить свой трудъ. Земледѣлецъ долженъ напримѣръ имѣть землю, рудокопъ — конь, кузнецъ—желѣзо. Всѣ сырые матеріалы, какъ: хлѣбъ, руда, металлъ— природные продукты, самъ же человѣкъ создать никакого новаго матеріала не въ состояніи. онъ только можетъ придать новую форму существующимъ. Земля, воздухъ и вода представляютъ изъ себя какъ бы громаднѣйшій магазинъ, откуда люди добываютъ себѣ матеріалъ для труда. Человѣкъ беретъ матеріалъ изъ этого магазина и перерабатываетъ его, чтобы придать соотвѣтствующую, годную для употребленія форму; каждый предметъ, который, благодаря усиліямъ человѣка, добытъ изъ земли, но еще остается въ необработанномъ видѣ, напримѣръ выкопанный уголь, срубленное дерево и т. д.

мы называемъ *сырымъ матеріаломъ* (сырьемъ). Недостаточно однакоже, чтобы рабочій имѣлъ у себя сырой матеріалъ; для примѣненія своей рабочей силы, онъ долженъ обзавестись еще и другими предметами, которые служатъ ему какъ бы рычагами, напримѣръ весло, топоръ, молотъ и т. п. Вспомогательныя средства, какъ весло и топоръ, зовутся орудіями труда. Камень, употребляемый дикаремъ для разбиванія кокосоваго орѣха, служитъ тоже орудіемъ труда, какъ и самая усовершенствованная машина. Сырой матеріалъ, орудія труда и рабочая сила человѣка—это три самыя главныя условія, отъ употребленія которыхъ появляется новый и готовый для употребленія продуктъ (такъ называемый фабрикатъ).

Зная все это, теперь мы можемъ изслѣдовать, какое вліяніе факторы производства оказываютъ на мѣновую цѣнность продукта труда, т. е. на товаръ. Всякій сырой матеріалъ, благодаря труду, измѣняетъ свой видъ. Такъ напримѣръ, желѣзо отъ кованья превращается въ листовое. Притомъ сырой матеріалъ можетъ или совершенно измѣниться въ новый видъ продукта, какъ напр. желѣзо, или же быть употребленнымъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, напр. уголь, необходимый для расплавленія руды, или же наконецъ только часть сыраго матеріала переходитъ въ другой новый продуктъ, другая же часть остается совершенно безъ употребленія, напримѣръ пакля и пряжа. Стоимость сыраго матеріала зависитъ отъ общественно-необходимаго времени труда, употребляемаго на производство или добываніе. Эта стоимость безъ убытка или прибыли переходитъ въ стоимость получаемаго въ готовомъ видѣ продукта, явившагося какъ результатъ труда. Если портной

изъ куска сукна шьетъ сюртукъ, то стоимость сукна всецѣло входитъ въ стоимость сюртука. Итакъ, стоимость употребляемаго матеріала будетъ заключаться въ стоимости получаемаго продукта. Ничего больше, кромѣ этой стоимости, не переходитъ въ продуктъ. Единственно только приложенный трудъ добавляетъ къ заключающейся уже въ сыромъ матеріалѣ прежней—новую стоимость. Средства для труда, ручныя орудія и машины, при пользованіи ими постепенно изнашиваются. Напр. напилки, которые употребляетъ при своей работѣ слесарь, съ теченіемъ времени дѣлаются негодными; телѣга, употребляемая для перевозки тяжестей, современемъ, какъ и всякій другой предметъ, совершенно разстраивается и становится негодной къ употребленію и т. д. Однако въ большей части случаевъ орудія труда долго остаются годными для производства значительнаго количества товаровъ. Слесарь, напримѣръ, при помощи одного напилка можетъ выпилить массу ключей; возница на своей телѣгѣ можетъ перевезти значительное количество пудовъ тяжестей. Итакъ, если стоимость употребленнаго сыраго матеріала переносится въ полномъ своемъ объемѣ въ стоимость продукта, то необходимо принять въ разсчетъ, что орудія труда изнашиваются и теряютъ свою стоимость при употребленіи въ работѣ лишь настолько, сколько ими пользовались для данной работы. Если одного напилка хватаетъ для выпиливанія 100 ключей, то въ каждомъ ключѣ будетъ заключаться сотая часть стоимости напилка. Отсюда мы видимъ, что орудія труда ни на грошъ не производятъ новой стоимости, какъ и сырой матеріалъ, хотя съ виду казалось бы, что при употребленіи машинъ, довольно сложныхъ,

какъ бы замѣняющихъ трудъ человѣка, онѣ должны бы вліять на производство новой цѣнности. Мы уже знаемъ, что стоимость зависитъ только отъ труда человѣка. Только вслѣдствіе приложеннаго общественно-необходимаго труда человѣка, прибавляется новая цѣнность къ той цѣнности, которая заключается въ сыромъ матеріалѣ и которая перешла съ измѣненныхъ орудій труда въ новое производство. Если напр. стоимость какого нибудь сыраго матеріала представляетъ 10 часовъ общественно-необходимаго труда человѣка, если затѣмъ стоимость истраченной части орудія соотвѣтствуетъ 3 часамъ труда. на производство же новаго продукта изъ даннаго сырого матеріала и при помощи данныхъ орудій труда нужно употребить 7 часовъ, то въ такомъ случаѣ вновь полученный продуктъ будетъ заключать въ себѣ (10+3+7)=20 часовъ общественно-необходимаго труда.

Объяснимъ это еще на примѣрѣ. Предположимъ, что 1 часъ общественно-необходимаго труда представляетъ стоимость въ 10 коп. и что для постройки каменной стѣны, достаточно четырехъ человѣкъ рабочихъ. Они покупаютъ глину для приготовленія 1.000 кирпичей и платятъ за нее 50 коп., хозяинъ даетъ имъ сарай, кирпичный заводъ, снабжаетъ тачками, формой и другими приборами, за пользованіе которыми рабочіе платятъ 60 коп. отъ 1.000 кирпичей; обжиганіе будетъ стоить также 60 коп. на 1.000 штукъ, для обжиганія же 1.000 кирпичей потребуется до 24 рабочихъ часовъ или, считая по 10 коп. въ часъ, получится 2 р. 40 коп. Такимъ образомъ стоимость обожженныхъ кирпичей будетъ равна 4 р. 10 коп.

Рабочіе напередъ затратили эту сумму за стоимость сыраго матеріала и за пользованіе орудіями, однако эта уплаченная стоимость будетъ опять находиться въ опредѣленной формѣ труда—въ кирпичахъ. Къ данной стоимости они добавили новую стоимость своего труда (2 р. 40 к.). Это имѣетъ мѣсто во всякомъ вообще производствѣ. Во вновь появившемся товарѣ всегда заключается, кромѣ стоимости употребленнаго сырого матеріала, стоимость употребленныхъ въ дѣло орудій и стоимость труда, употребленнаго при производствѣ новаго товара. Законъ этотъ нисколько не измѣняется отъ того, работаютъ ли рабочіе на самихъ себя, вполнѣ самостоятельно, или же на пользу какого нибудь предпринимателя. Работая для себя лично, самостоятельно, они при продажѣ кирпичей, получали бы за каждый часъ труда 10 коп. Если мы въ тоже время предположимъ, что за 60 коп. рабочій можетъ пріобрѣсти столько средствъ для жизни, сколько это необходимо для поддержанія жизни его и его семьи, то стоимость его ежедневной рабочей силы составляла бы 60 коп., и на удовлетвореніе его нуждъ было бы достаточно 6 часовъ труда. Итакъ, если бы наши рабочіе работали только по 6 часовъ, они произвели бы лишь столько новой стоимости въ рабочій день, сколько нужно для удовлетворенія ихъ нуждъ. Если же рабочіе стали бы работать вдвое больше часовъ, въ такомъ случаѣ и вновь произведенная стоимость была бы вдвое больше и одинаково принадлежала бы рабочимъ, которымъ принадлежитъ и самый продуктъ труда,—кирпичъ.— Допустимъ напр., что промышленникъ самъ для себя добываетъ уголь, глину и приспособленія, необходимыя для изготовленія кирпича, за употребленіе

которыхъ онъ платитъ столько же, сколько прежде платили рабочіе, у рабочихъ же онъ покупаетъ рабочую силу и платитъ имъ по 60 коп. въ день. Если бы они работали 6 часовъ въ день, то промышленникъ, составляя счетъ, пришелъ бы къ такому выводу:

За глину заплачено	50 к.
» каменный уголь	60 к.
пользованіе орудіями	60 к.
Рабочая плата 4 рабочимъ по 60 к. каждому	2 р. 40 к.
Всего. . .	4 р. 10 к.

За эти деньги онъ получилъ бы 1.000 кирпичей, имѣющихъ, какъ мы уже видѣли, такую же самую стоимость (4 р. 10 к.), соотвѣтственно вложенному въ нихъ прежде капиталу, т. е. предприниматель ни потерялъ бы и ни заработалъ бы ни одного гроша. Понятно, что, торгуя этимъ кирпичемъ, онъ не могъ бы получить никакой пользы, да ему и не было бы разсчета сдѣлаться купцомъ. Если бы онъ имѣлъ это въ виду, ему не нужно было бы самому производить кирпичей, онъ просто занялся бы покупкою готоваго уже товара. Главной цѣлью промышленника было, при помощи покупки рабочей силы, получить прибавочную стоимость за вложенный въ производство капиталъ. Въ нашемъ примѣрѣ предприниматель получилъ бы лишь столько за товаръ сколько самъ вложилъ въ него капитала. Но предприниматель разсуждаетъ иначе: «Ваша дневная рабочая сила—говоритъ онъ, обращаясь къ рабочимъ — куплена мною у васъ; поэтому распоряженіе ею, какъ вы сами знаете, всецѣло зависитъ отъ меня. Если я покупаю, наприм., лимонъ, то и

сокъ его принадлежитъ мнѣ, я имѣю полное право выжать весь сокъ изъ лимона до послѣдней капли. Ваша рабочая сила остается еще неисчерпанной впродолженіи 6 рабочихъ часовъ, поэтому вы можете работать дольше и для этого я назначаю вамъ 12 рабочихъ часовъ въ день». Возражать противъ этого собственно нечего. Рабочіе начинаютъ работать каждый день по 12 часовъ. Естественно, что при двойномъ времени труда они выработаютъ и вдвое большее количество кирпича (2.000), употребивши конечно при этомъ вдвое больше матеріала. На этотъ разъ счетъ представится въ такомъ видѣ:

Глины.	1 р. (въ 2 раза больше прежняго)
Угля.	1 р. 20 к.
Пользованіе орудіями.	1 р. 20 к.
Рабочая плата на 4 рабочихъ, считая по 60 к. каждому.	2 р. 40 к. (столько же, какъ и прежде)
Всего . . .	5 р. 80 к.

Столько употребилъ капиталистъ денегъ, а получилъ за это 2000 кирпичей; каждая 1000, какъ мы видѣли въ прежнемъ счетѣ, стоитъ 4 р. 10 к.; за 2000 кирпичей онъ получитъ слѣдовательно 8 р 20 к. или на 2 р. 40 к. больше, нежели онъ вложилъ въ нихъ. Эти то 2 р. 40 к. и представляютъ *прибавочную стоимость* (заработокъ капиталиста).— Она доставляетъ ему какъ разъ столько, сколько произвели рабочіе, принужденные работать дольше 6 часовъ, вслѣдствіе условія найма: изъ 4-хъ рабочихъ каждый работалъ ежедневно по 6 лишнихъ часовъ, всѣ же вмѣстѣ 24 часа, что и составляетъ добавочную стоимость 2 р. 40 к.

Торговый капиталъ тогда только можетъ принести

добавочную стоимость его владѣльцу, если этотъ послѣдній покупаетъ товаръ дешевле или продаетъ дороже, нежели онъ стоитъ. А это возможно только въ томъ случаѣ, если рабочій вынужденъ продавать свою рабочую силу и получать за нее только часть ея дѣйствительной стоимости.

IV.

Возрастаніе капиталовъ.

Мы видѣли уже, какимъ образомъ капиталистъ получаетъ себѣ добавочную стоимость. Онъ пріобрѣтаетъ ее на рынкѣ за рабочую силу, которой приказываетъ работать, при помощи пріобрѣтенныхъ имъ орудій надъ сырымъ матеріаломъ и продаетъ произведенный такимъ образомъ товаръ, возвращая за него не только употребленныя имъ изъ своего кармана деньги, но еще и добавочную стоимость. Часть барышей отъ добавочной стоимости промышленникъ употребляетъ на собственныя нужды, остатокъ же присоединяетъ къ своему капиталу. Такимъ образомъ онъ будетъ имѣть теперь уже больше капитала, сравнительно съ прежнимъ, значитъ можетъ еще больше закупить рабочей силы, а такъ какъ каждый рабочій доставляетъ опредѣленный барышъ, то онъ получитъ еще больше барыша. Эти барыши въ свою очередь дадутъ ему возможность еще болѣе увеличить свой капиталъ и купить еще больше рабочей силы и т. д. Отъ увеличенія капитала зависитъ увеличеніе и положеніе рабочаго класса. Съ перваго раза интересы рабочихъ и капиталистовъ кажутся какъ бы общими между собой: рабочій долженъ умереть, если капиталистъ не дастъ ему занятій, а

капиталъ уменьшиться, если онъ не будетъ употребленъ на покупку рабочей силы. Поэтому, чѣмъ больше увеличивается капиталъ, тѣмъ больше развивается промышленность, тѣмъ на большее количество рабочихъ будетъ запросъ и тѣмъ дороже этотъ рабочій будетъ продавать свою рабочую силу. Иными словами, какъ необходимое условіе хотя бы сноснаго положенія рабочихъ, будетъ заключаться въ томъ, на сколько быстро увеличивается промышленный капиталъ. Но съ другой стороны увеличеніе капитала указываетъ на усиливающееся могущество капиталистовъ, на возрастающее ихъ вліяніе и на увеличивающееся число наемныхъ рабочихъ. Возьмемъ самый простой случай, когда въ одно время съ увеличеніемъ капитала увеличивается и требованіе на рабочую силу, а слѣдовательно увеличивается и цѣна труда: рабочая плата. Небольшой домъ, пока окружающіе его дома имѣютъ одинаковую съ нимъ величину, будетъ совершенно удовлетворять требованіямъ его владѣльца. Но пускай здѣсь же, по сосѣдству, выростетъ два, три, наконецъ цѣлый десятокъ великолѣпныхъ домовъ и нашъ домикъ сдѣлается тогда съ виду жалкимъ, похожимъ на землянку, а владѣлецъ его долженъ будетъ тянуться за владѣльцемъ дворца. Если бы даже современемъ этотъ небольшой домикъ увеличился въ два раза, то и тогда, жилецъ этого домика будетъ считать себя несчастнымъ, угнетеннымъ и стѣсненнымъ въ своей избушкѣ. Точно также и всякое значительное возвышеніе рабочей платы обязываетъ допустить далеко болѣе быстрое увеличеніе капитала; быстрое же увеличеніе капитала сопровождается въ свою очередь увеличеніемъ огромнаго

числа богатствъ, роскоши, потребностей и вообще удовольствій жизни. Поэтому, хотя теперь для рабочаго сдѣлались доступными нѣкоторыя удобства и удовольствія жизни, но въ тоже время еще больше увеличились его потребности, которыхъ онъ не можетъ уже удовлетворить. И онъ становится еще больше несчастнымъ, нежели былъ прежде, подобно нашему владѣльцу домика.

Рабочую плату нужно опредѣлять сравнительно, по ея отношенію къ доходамъ капиталиста, словомъ, мы говоримъ объ *относительной рабочей платѣ*.

Предположимъ, наприм., что цѣна всѣхъ средствъ для жизни понизилась до $^2/_3$ (фунтъ хлѣба, который раньше стоилъ 3 коп., будетъ стоить только 1 коп.), въ то время какъ рабочая плата уменьшилась до $^1/_3$ (съ 60 коп. на 40). Хотя рабочій теперь за 40 коп. купитъ себѣ больше товаровъ, нежели прежде за 60 коп. (прежде за 60 коп. онъ получилъ бы только 20 фунтовъ хлѣба, теперь же онъ получитъ 40 фунтовъ за свои 40 коп.), однако его рабочая плата сравнительно съ барышемъ капиталистовъ понизилась, такъ какъ за меньшую сумму денегъ капиталистъ все таки требуетъ одинаковаго количества труда. Капиталистъ же съ тѣмъ самымъ капиталомъ, какой былъ у него и раньше, можетъ купить большее количество рабочихъ рукъ. И такъ, мы видимъ, что наемная плата и прибыль находятся въ обратномъ между собой отношеніи; прибыль увеличивается на столько или въ такомъ отношеніи, въ какомъ рабочая плата понижается и наоборотъ.

До сихъ поръ мы допускали, что производительный капиталъ, по мѣрѣ его увеличенія, каждый разъ занимаетъ большее и большее количество

рабочихъ рукъ и сопровождается увеличеніемъ рабочей платы. Но всегда-ли это наблюдается? По ближайшему разсмотрѣнію мы увидимъ совершенно противоположное этому. Справедливо, что съ возрастаніемъ капиталовъ число и богатство капиталистовъ возрастаетъ. Увеличеніе же числа капиталистовъ и промышленныхъ заведеній устанавливаетъ конкуренцію между капиталистами и каждый изъ нихъ старается побѣдить другаго дешевизною своихъ товаровъ. Но чтобы дешевле продавать товары безъ убытку для себя, капиталистъ долженъ и производить ихъ дешевле, т. е. на сколько возможно увеличить производительность труда. Производительность же труда увеличивается прежде всего отъ большаго его раздѣленія, отъ употребленія новыхъ машинъ и улучшенія старыхъ. Предположимъ, что вслѣдствіе такихъ перемѣнъ и улучшеній извѣстный капиталистъ получитъ возможность, при одномъ и томъ же количествѣ труда, получить бо́льшее количество продуктовъ, нежели его сотоварищи, напр. выткать цѣлый аршинъ полотна впродолженіи того самаго рабочаго времени, какое его сотоварищу необходимо для $^1/_2$ аршина. Тогда первый изъ нихъ, продавая полотно по прежнимъ цѣнамъ, сталъ бы получать больше дохода. Но его улучшенныя машины и увеличившаяся фабрика будутъ доставлять гораздо больше полотна, чѣмъ прежде. Онъ долженъ изыскать новый рынокъ для сбыта своихъ товаровъ; новыхъ же покупщиковъ онъ найдетъ только тогда, когда будетъ продавать свое полотно дешевле, чѣмъ его сотоварищъ. Понятно, что онъ не будетъ продавать аршинъ полотна по

той цѣнѣ, за какую онъ продавалъ раньше полъ аршина, такъ какъ въ этомъ случаѣ сдѣланныя имъ усовершенствованія не принесли бы ему никакой пользы, и онъ зарабатывалъ бы столько-же, какъ и прежде. Къ тому-же онъ принужденъ былъ-бы искать покупателей для двойнаго количества полотна, которое онъ произвелъ на своей фабрикѣ. Для этого ему стоитъ только понизить цѣну. Достаточно чтобы онъ хотя по ½ коп. дешевле на аршинъ продавалъ свое полотно, чѣмъ другіе фабриканты, и тогда его фабрика успѣетъ найти себѣ достаточно покупателей, отбивши ихъ отъ другихъ фабрикъ.

Однако такое преимущество нашего капиталиста не будетъ продолжительно, такъ какъ другіе промышленники, его сосѣди, постараются въ непродолжительное время завести также у себя тѣ же самыя машины и ввести усовершенствованія въ такихъ же самыхъ или даже еще большихъ размѣрахъ, какъ и онъ, и начнутъ тоже дешево продавать свои товары, чтобы вернуть къ себѣ утраченныхъ покупателей; они принуждены будутъ продавать товаръ еще дешевле, нежели ихъ сосѣдъ, и каждый разъ рабочая плата будетъ падать все ниже и ниже, до уровня издержекъ производства. Капиталисты очутятся въ этомъ случаѣ въ такомъ же самомъ положеніи, въ какомъ были до примѣненія у себя новыхъ машинъ, и въ то же время будутъ производить вдвое больше количество полотна. А затѣмъ опять каждый изъ нихъ начнетъ стараться о введеніи какихъ нибудь новыхъ усовершенствованій, чтобы можно было снова продавать дешевле другихъ и привлекать на свою сторону по-

купателей. Если это кому нибудь удастся, то такой успѣхъ его будетъ непродолжителенъ и та же самая исторія какъ и прежде, повторится и теперь.

И такъ, хотя бы капиталистъ пустилъ въ ходъ самую большую машину, все же благодаря конкуренціи, она скоро распространится между другими предпринимателями-капиталистами и вслѣдъ затѣмъ будетъ только способствовать увеличенію производства, такъ что капиталистъ за ту-же самую цѣну доставитъ въ 10—20—100 разъ больше товаровъ, чѣмъ доставлялъ прежде, и сверхъ того долженъ будетъ еще стараться отыскать покупателей на произведенное имъ въ 10—20—100 разъ большее количество товаровъ. Такимъ образомъ капиталистъ, кромѣ хлопотъ, не выиграетъ ничего; онъ вынужденъ былъ доставить больше товаровъ, произведенныхъ впродолженіе того самаго времени. Словомъ, онъ создалъ себѣ болѣе трудныя условія для увеличенія своего капитала и всякій разъ долженъ примѣнять новыя улучшенія и большее раздѣленіе труда. Какое же вліяніе, спрашивается теперь, оказываютъ всѣ эти условія на рабочую плату? Большее раздѣленіе труда и усовершенствованныя орудія даютъ возможность одному рабочему выполнять работу за 5, 10, 20 рабочихъ, раньше занятыхъ на фабрикѣ. Тамъ, гдѣ прежде нужна была положимъ тысяча рабочихъ, теперь достаточно будетъ какой нибуть сотни, а 900 человѣкъ очутятся на улицѣ безъ всякихъ занятій и своей конкуренціей понизятъ рабочую плату своихъ занятыхъ собратьевъ.

Затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія раздѣленія труда, трудъ становится болѣе упрощеннымъ. Отъ работ-

ника уже не требуется почти никакой сноровки или умѣнья, а только простая обыкновенная сила. Трудъ становится доступнымъ для всѣхъ и вслѣдствіе сильной конкуренціи рабочіе вступаютъ въ борьбу между собой подъ вліяніемъ голода и труда, причемъ всякій разъ еще больше понижаютъ рабочую плату. Пониженіе рабочей платы еще болѣе увеличивается отъ участія въ работахъ на фабрикахъ и заводахъ женщинъ и дѣтей, для которыхъ не сложная работа при машинахъ сдѣлалась доступною.

Изъ всего сказаннаго мы видимъ, что, чѣмъ больше возрастаетъ производительный капиталъ, тѣмъ дальше идетъ раздѣленіе труда и примѣненіе усовершенствованныхъ машинъ. А чѣмъ больше происходитъ раздѣленіе труда, порождаемое примѣненіемъ машинъ, тѣмъ сильнѣе является конкуренція между рабочими и тѣмъ больше понижается рабочая плата.